

Трон Дракона

Олаф Бьорн Локнит

Посланник мрака

«Лениздат»

2001

Локнит О.

Посланник мрака / О. Локнит — «Лениздат», 2001 — (Трон Дракона)

В новом томе `Саги о Конане` читателя ждет увлекательное продолжение тетралогии Олафа Локнита `Трон Дракона`, повествующей о событиях, потрясших всю Хайборию во времена правления короля Конана: в самом сердце Немедии разыгрывается борьба не на жизнь, а на смерть за престол и корону. Но в битву, помимо людей, вступают также и сами боги.

© Локнит О., 2001

© Лениздат, 2001

Содержание

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУКОПИСЯМ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	20
ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ – I	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Олаф Бьорн Локнит

Посланник мрака

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУКОПИСЯМ

По миновании двух лет со времен Войны Алого Камня, составители данной книги воспоминаний хотели бы прояснить для читателя истинную сущность великого артефакта, случайно обнаруженного принцем Тараском и его приспешниками.

Каримэнон, Альий Камень ныне позабытой Радужной Цепи Равновесия и созданной легендарным Ротой-Всадником приблизительно восемь с половиной тысяч лет назад (ныне сию эпоху принято именовать «До пришествия в мир людей») был первым в означенной Цепи, что призывалась своим творцом к охранению сущей вселенной от вредоносного и разрушающего действия магии, коей в те времена пользовались куда шире и изощреннее, нежели в дни нынешние. Как подтвердили знающие маги (имеются в виду Тотлант Стигийский и Озимандия Аквилонский), камни Великой Цепи, охватывавшей кругом Закатную часть Материка поглощали силы Черного и Белого волшебства, обращая их в магию Равновесия, не способную причинить вред по своей природе, однако становившуюся весьма опасной, если бы обнаружился человек или не-человек, способный направить эту мощь против своих врагов.

Рота отнюдь не зря поименован в истории «божеством Неудачников» – бедствия и провалы любых его предприятий подстерегали Всадника Ночи на каждом шагу; ни единый памятник его, во многом великой, эры не сохранился, сам Рота доселе считается едва ли не воплощением мирового зла и в Нордхейме матери по-прежнему пугают им непослушных детей. Даже весьма надежно устроенная и тщательно укрытая от посторонних глаз Цепь Равновесия, устроенная из семи Радужных Камней и Трех Сияющих (каковы свойства последних, донныне неизвестно) после разрушительной Войны Ярости и низвержения Роты была уничтожена победителями, полагавшими, что любое наследие изгнанного за Грань Всадника суть губительно и опасно для обитающих на Земле разумных существ. Камни, вероятно, были найдены и разбиты кроме (как полагается ныне) единственного – Алого, каковой и попал в руки вначале Тараска, а затем и прочих участников этой тягостной истории.

Сила Равновесия, заключенная в Камне обернулась для его обладателей дыханием давно позабытого Черного ветра – направленная волей человека во зло другим людям, Сила преобразовалась: не принадлежащее никому Равновесие и смешавшаяся с ним недобрая воля людей начали приобретать Черный оттенок. Так маленькая ложка смолы способна испортить бочонок меда. Накопившаяся за долгие тысячелетия мощь Алого Камня нашла выход – на разрушение. И страшнее всего то, что человек обладавший Камнем привыкал к его Силе, как курильщик лотоса всегда тянется к новой порции ядовитого порошка. Но и Камень привыкал к своему временному хозяину, питаясь силой его души...

Обо всем прочем, связанном с историей Каримэнона, вы узнаете ниже. Мы готовы представить любопытствующим третью часть книги мемуаров, повествующих о Короне и Камне.

Аквилония, Тарантия. Подписано на Праздник Сбора Урожая 1296 года собственной рукой Халька Юсдаля из Гандерланда, а с ним и удостоверяется росчерком Хэлкарса, барона Целлига из Бельверуса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Повести Дженны Сольскель – I

«Чужие хлопоты»

Немедия, Бельверус.

Ночь с 14 на 15 день

Второй весенней луны 1294 года по основанию Аквилонии.

Просто удивительно, как иногда бывают непредусмотрительны мужчины. Тщатся спасти мир, при этом не желая замечать расставленных прямо у них под носом ловушек. Разумеется, потом начнется крик до небес – мол, их обманули, обвели вокруг пальца! Мне в таких случаях хочется спросить: где были ваши глаза? Чем вы думали? Неужели полагали, что вам так легко все сойдет с рук?

Эта лихая троица так просто попалась на крючок, что мне стало за них слегка обидно. Ну, с Велланом понятно, у него (наравне с лучшим дружкойм Эртелем) в голове бушует не просто ветер, но настоящий ураган. Сначала делает, потом думает. Или не думает, целиком полагаясь на удачу и везение. Я рассчитывала на сообразительность мага Тотланта и того типа, коего в глаза именуют Коннахаром Гленнлахом, а когда он не слышит – Конаном Аквилонским.

Так нет же! Похоже, в компаниях взрослые и опытные люди незамедлительно уподобляются мальчишкам. Они жизнерадостно дразнили немедийскую стражу, прикидывались «одичавшими варварами» и вовсю резвились. Ни одному не пришло в голову чуть-чуть пристальнее глянуть вокруг. Они непременно заметили бы меня, я же торчала почти на самом виду, совершенно зазя рискуя навлечь неприятности на собственную голову. В конце концов, я не из тех, кто рубит дерево, исправно приносящее золотые плоды. Зачем мне рисковать сомнительным, но выгодным званием королевской фаворитки?

Наконец они выбрались с конюшенного двора и проследовали к дворцовым воротам. Я, прикидываясь скучающим призраком, тащила следом, прячась за выступами стен. Капитаном стражи на этот вечер поставили Дратхена. Он безукоризненно сыграл свою роль: эдакий рьяный служака, с трудом скрывающий неприязнь к поправшим законы гостеприимства королям стран Заката и их доверенным лицам, в особенности варварского происхождения.

Тотлант при проверке подорожных, кажется, что-то заподозрил. Покосился по сторонам, внимательнее присмотрелся к Дратхену, одернул своих разошедшихся попутчиков. Я прикусила язык, чтобы не крикнуть им: «Остановитесь! Загляните в свою поклажу!». Вовремя сообразила – издай я хоть звук, и Дратхеновские подчиненные просто заткнут мне рот. И наплевать ему на возможное неудовольствие Его величества Тараска.

Посланцы выехали из дворца. Им предстояло миновать большой, темный и безлюдный Олений парк, затем проехать через два городских квартала – и они достигнут Полуночных ворот Бельверуса. Я колебалась, оценивая возможности. Если я смогу перехватить их в парке, то отчасти сорву замыслы Тараска. Если меня прихватят на этой попытке, мое будущее окажется в ба-альшой опасности. Ярость Тараска Эльсдорфа – отнюдь не та вещь, которую я хотела бы испытать на себе.

Я же вообще не собиралась вмешиваться! Конечно, я не против оказать услугу дядюшке Эрхарду и родному Пограничью, однако на большее можете не рассчитывать. Зенобию Сольскель в первую очередь волнует участь единственного человека, сиречь уже упомянутой Зенобии Сольскель.

А вдруг этим сорвиголовам повезет? Удача, говорят, любит смелых...

Вообще-то для меня в королевских конюшнях всегда держат наготове лошадь под седлом. Сегодня эта предусмотрительность дала плоды – я просто заявила к воротам и высо-

комерно бросила Дратхену, что у меня важное поручение в городе. Судя по выражению его физиономии, он не поверил ни единому моему слову, но велел открыть ворота и я рысью помчалась через сумерки по мокрому дворцовому саду. Коли Дратхен доложит Тараску о моих выходах, я сумею напести чего-нибудь правдоподобного в ответ.

Я не успела. Трое посланцев Великого совета королей угодили прямиком в лапы давно поджидавшего их отряда и сейчас с крайним негодованием выслушивали известие о том, что все, покидающие замок короны, должны подвергаться досмотру. Мол, во дворце случилось ограбление и стража разыскивает вора.

«Не просто ограбление, кража столетия, – с тоской подумала я. – Океанское Око Зингары, рубиновая диадема из Хаурана, Большой Лев Аквилонии, драгоценные побрякушки Аргоса и Офира... Не понадобилось даже особых ухищрений, чтобы добыть эти сокровища. Часть вынесли лакеи, прислуживавшие во дворце, что-то – люди из посольских свит, не сознававшие, что делают».

Я своими глазами видела, как Аррас преспокойно обстрипывал это грязное дельце: вошел в покои королевы Тарамис, якобы по какому-то делу, отмахнул рукой перед лицом бедной старшей фрейлины, и та послушно вынесла господину магу сундучок с фамильными ценностями хауранки вкупе со связкой ключей. Аррас забрал диадему и удалился. Фрейлина ничего не вспомнит.

Не сомневаюсь, идея с похищением драгоценностей и реликвий королевских фамилий родилась именно у Арраса. Он обожает как плести интриги, так и потворствовать не самым высоким замыслам своих покровителей. Покойный король Нимед не раз устраивал изобличенному месьору придворному волшебнику страшнейшие выволочки, но горбатого исправит только могила.

Досмотр шел полным ходом. У Тотланта нашли и забрали пару колец, некогда принадлежавших младшему Эльсдорфу, Ольтену. Маг, насколько я знаю, намеревался с их помощью доподлинно установить, кто баламутит возле Соленых озер – настоящий принц или самозванец. Тотлант перстни отдал и крика не поднял, значит, у него наверняка запасливо припрятаны другие мелочи из собственности принца. От забористых проклятий Веллана у меня звон в ушах стоял, однако вменить ему в вину оказалось нечего: мешки оборотня заполнял обычный дорожный скарб.

Стражники принялись за «десятника Коннахара». Похоже, вид любых блюстителей порядка, роющихся в его вещах, вызывал у него искреннее презрение. Король Аквилонии, совершенно напрасно пытавшийся прикинуться безвестным киммерийским воякой, откровенно хамил и вовсю задирал немедийцев. Он не почуял неладного даже когда на свет явился извлеченный из переметной сумы угловатый сверток серой шерстяной ткани и ликтор стражников торжествующе помахал им в воздухе, громогласно осведомляясь, признает ли Коннахар Гленнлах эту вещь своей собственностью.

«Скажи – „нет“! – мысленно крикнула я. – Да глянь же, что тебе подсунули!».

– Наверно, моя, – равнодушно отмахнулся Конан.

Сверток развернули. Веллан онемел (впервые на моей памяти). Тотлант, мгновенно смекнувший, что к чему, удрученно поджал губы и сгорбился в седле.

Горсть похищенных сокровищ ослепительно переливалась в свете факелов. Над ними возникало и пропадало радужное облачко.

Столь явственная улика пересиливала и заглушала любые оправдания. У предводителя гвардейцев даже борода с усами тряслась от праведного негодования, когда он произносил накрепко затверженные слова о взятии под стражу и препровождении злоумышленника в городскую тюрьму.

В глубине души я ожидала, что парочка рубак – Веллан и аквилонский правитель – решится устроить свалку в отчаянной надежде проскочить парк и затеряться в городе. Однако

у них хватило ума трезво оценить расстановку сил и понять, что два человека (пусть и с поддержкой мага) ничего не смогу поделать против четырех десятков. Конан решил достойно проиграть: с безразличным видом пожал плечами, перебросил оборотню свой меч и отбыл вместе с гвардейцами.

Тотланта и Веллана не задержали. Наоборот, приставили пятерых охранников, дабы проводить до городских ворот. Меня, по счастью, никто не заметил, так что я развернула лошадь головой к замку короны и с досадой пнула безвинное животное каблуками в бока. Посольство на Полночь отменяется. Аррас не тронулся с места. Заморийский управитель, близкий приятель принца Ольтена, который должен был ехать в первую очередь, кукует в дворцовом подземелье за поединок и убийство, учиненное сегодня днем прямо в малой церемониальной зале. Конан, также хорошо знающий Ольтена в лицо, держит путь к Башне Висельников. Стигиец и оборотень, скорее всего, смогут беспрепятственно добраться до Эвербаха на Соленых озерах, ставки мятежников, но чего будут стоить их свидетельства...

Пожалуй, стоит рассказать кому-нибудь о происшествии в Оленьем парке. Только кому?

* * *

Я топала по коридору в сторону полуденного крыла, отведенного под проживание гостивших в Бельверусе царственных особ, и размышляла. На первый взгляд все казалось очевидным: надо идти к Чабеле Зингарской, уверенно захватившей правление Немедией в ожидании того дня, когда точно выяснится: Тараск Эльсдорф – узурпатор, не имеющий никаких прав на Трон Дракона. Тараск, само собой, всеми правдами и неправдами пытается оттянуть наступление этого рокового мгновения.

Мне нет никакого резона вмешиваться в дела королей, ибо я, говоря откровенно, никто. Нахальная девчонка из Пограничья, сумевшая взобраться на тепленькое местечко подле Трона Дракона. Те, кто распространяют про меня подобные слухи, в чем-то правы. Не вижу причины, с какой стати молодой, привлекательной и толковой особе прозябать в отдаленном, захолустном королевстве далеко на Полуночи? Я не благородная, зато, что куда важнее, богатая. Обучена читать, писать, вести торговые счета и рубиться на мечах – последнее умение дает мне законную возможность чувствовать себя независимо. Дядюшка Эрхард, то бишь король Пограничья Эрхард, называет меня слишком самонадеянной для женщины и ворчит, что я когда-нибудь допрыгаюсь.

Сегодня настал день, когда мне придется применить все добытые знания о дворцовых интригах, чтобы сообразить, кому что сказать и при этом остаться в тени. Я без того сделала больше, чем намеревалась. Предупредила, кого могла. Аквилонского красавчика Маэля Монбронна, полагающего себя опытейшим лазутчиком. Короля Эрхарда, который хоть и тугодумен, зато, приняв решение, никогда от него не отступается. Я даже постаралась намекнуть кое-что блестящему сборищу Совета королей, но, разумеется, ко мне не прислушались. Конечно, зачем слушать простолудинку, влезшую в доверие к претенденту на престол? Та же Чабела, хоть и умнее многих, наверняка считает, что я незамедлительно пересказываю все услышанное Тараску.

Зачем, спрашивается, мне это делать? Он без моей помощи отлично все разузнает. Сообразительный, зараза.

Не пойду я к Ее величеству Чабеле. Во-первых, поздно уже. Во-вторых, она мне не доверяет. В-третьих, ничего с их драгоценным Конаном Киммерийцем за ночь не стрясется. Переночует в Башне Висельников, вспомнит молодость. Тараск, хотя ему с двух сторон зудят в уши ксальтоун и Аррас, не отважится его убить. Его милости несостоявшемуся королю без того

забот хватает. Злой он сейчас, словно голодный демон. Корона Немедии, до которой ему было рукой подать, взяла и ускользнула.

А заварушка на Соленых озерах наверняка на совести настоящего Ольтена. И девочки Эрде. Иного я от нее и не ожидала – при таких-то родителях, как Мораддин и Ринга Эрде! Странно только, что герцогская чета позволила столь запросто себя прикончить. Сквозит в моей умной голове гаденькое предчувствие, что Тараск рановато посчитал себя избавившимся от этой бешеной парочки. Ручаюсь, они достанут его даже из Страны Теней. Не представляю только, каким образом. И вообще, мое дело – сторона. Не хочу я ни во что вмешиваться. Не хватало, чтобы Тараску доложили о загадочных похождениях дамы его сердца. Он и так на меня косо поглядывает, опасаясь, что я непременно проболтаюсь своим приятелям из Пограничья.

Кстати, о приятелях. Не навестить ли дорогушу Эртеля? Повод вполне невинный – в далекие времена, лет шесть назад, когда я еще не перебралась в Немедию, девица Зенобия имела сомнительную честь ходить в подружках наследника короны Пограничья. Ничего из этого не вышло. У Эртеля есть куча несомненных достоинств и один серьезный недостаток: ему совершенно неизвестно значение слова «постоянство». Вдобавок, он оборотень, а я, увы, происхожу от самых настоящих людей. У оборотня может быть подруга-человек, но жениться они обязаны только на девицах из своего народа. Не то, чтобы мне позарез хотелось стать принцессой Пограничья, но быть девочкой на пару ночей я тоже не желала.

С тем мы и расстались, предварительно крупно поскандалив, а затем помирившись. Теперь мы иногда обмениваемся дружескими посланиями, причем зловредный Эртель никогда не упускает случая поинтересоваться, не заполучила ли я какую-нибудь дармовую корону или типа, настолько глупого, чтобы предложить мне венец.

Шепну-ка я Эртелю о том, что его приятелям не повезло. Дальше пусть сам выкручивается, не маленький.

Хоть я не придворная дама, однако за пять лет жизни в Бельверусе усвоила кое-какие правила куртуазии. Например, почти никогда не вхожу в двери, предварительно не постучавшись.

Из покоев, отведенных посольству королевства Пограничного, не донеслось ни единого звука. Странно. Кто-нибудь обязан быть на месте – не Эртель, так старый король. Ежели они оба умчались на ночь глядя по своим делам, значит, под дверями должны торчать охранники

Я стукнула еще раз, пнула створку и вошла в полутемную комнату, грозно вопросив: «Есть кто дома?».

Ответом мне служили приглушенный визг и метнувшаяся в соседнюю комнату тень, за которой волочились развевающиеся тряпки, едва не застрявшие между створками. Прислушавшись, я различила стук торопливо захлопнутой двери и частый удаляющийся топот ног по коридору. Понятно. Вопросов более не имеется. Кто куда, а Эртель – по бабам. Любопытно знать, какая дурочка на сей раз пала жертвой варварского обаяния и обманчиво честных голубых глазок?

– Зенна, ну почему бы тебе не зайти чуток попозже? – тоскливо спросили из темноты. – Нарочно подкарауливала, да? Отомстить хочешь? Вредная ты, хуже дядюшки! Вечно все портишь!..

– Не ной, – безжалостно отозвалась я, на ощупь разыскивая свечи и зажигая их от тлеющих в камине угольков. – Завтра подыщешь другую. Или можешь догнать эту и наплести ей каких-нибудь сказочек. Вообще-то я по делу. Ты в состоянии меня выслушать?

– Можно подумать, у меня есть выбор, – буркнул Эртель. – Если уж ты вбила себе в голову какую затею, то сдохнешь, а не отступишься. Чего там еще стряслось?

Свечи наконец разгорелись, позволив оглядеться по сторонам. Знакомые приметы – столик с остатками ужина на двоих и уютное гнездышко на широком туранском диване. Теперь

его занимал одинокий взъерошенный Эртель, закутавшийся в плед, и недовольно косился на меня, дожидаясь того счастливого мига, когда я уберусь восвояси.

– А где Эрхард? – с невинным видом поинтересовалась я.

– Обсуждает политические трудности в обществе некоей госпожи Клелии Кассианы из Офира, – Эртель не удержался от того, чтобы немного съязвить. Дядюшка и племянник удивительно схожи по характерам и взглядам на жизнь, только Эрхард достаточно умен и никогда не попадает на горячем.

Я понимающе кивнула и уселась на ручку кресла:

– Знаешь, что Веллан, Тотлант и Коннахар уехали на Полночь, встречаться с мятежниками?

– Слышал, – Эртель сделал одолжение, выкроив серьезную физиономию.

– Коннахар никуда не едет, – я побаивалась, что нас подслушивают, и потому на всякий случай говорила о Конане Аквилонце как о «десятнике Коннахаре».

– Почему? – вытаращился Эртель, забыв о том, что должен испытывать ко мне неприязнь за испорченный вечер.

– Его схватили на дворцовых воротах с полными сумками королевских побрякушек. С Морским Оком и прочими драгоценными вещичками, которые расстались со своими законными хозяевами нынешним днем.

– Ого, – восхищенным шепотом сказал Эртель и заозирался в поисках своего барахла. – Пошли, скажем Чабеле! Она Тараску такой скандал закатит!

– Беги, если хочешь, – я подобрала с пола скомканную рубаху и швырнула ее оборотню. – Только сделай милость, сперва подумай – от кого ты узнал сию потрясающую новость?

– От тебя, – заикнулся Эртель.

– Первый раз слышу! – я сделала круглые глаза. – Да я тебя последний раз днем видела и ничего подобного не рассказывала!

– Тогда... – оборотень задумался и вскоре обрадованно поднял палец: – Во! Я ходил их провожать!

– И тебя не заметили? – недоверчиво спросила я. Королевский племянничек сник. Интриги – не его призвание, ему бы мечом вволю помахать да поволочиться за очередной юбкой. – Слушай умную Зенобию. Известишь Чабелу утром. В открытую вам действовать никак нельзя – если вы спросите у Тараска, куда девался Коннахар, он вполне правдиво скажет: «Понятия не имею!». Чабела, конечно, может потребовать устроить допрос капитанов стражи, охранявших этой ночью замок короны, но могу биться о любой заклад, никто из них ничего не видел и не знает. Стражники честно-благородно выпустили посольство на Полночь, помахав им на прощание.

– Тогда что же делать? – уныло спросил Эртель. – И где Коннахар?

– Думаю, сидит в Башне Висельников. Посочувствуй Тараску, у него тоже крайне двусмысленное положение – поймал редкую добычу и ничего не может с ней поделаться. Ни шкуру снять, ни отпустить. Пусть Чабела имеет это в виду и пытается сторговаться. Услуга за услугу, глядишь, и договорятся. Главное, что остальных посланцев не тронули. И учти, я тебе ни слова не говорила!

– Конечно, – рассеянно кивнул оборотень и спросил: – Только почему? Тараска боишься?

– Никого я не боюсь! – раздраженно огрызнулась я. – Просто мне глубоко наплевать, чья задница и по какому праву расположится на немедийском троне – Тараска, Ольтена или кого-нибудь еще. Пусть короли ссорятся между собой, сколько влезет, и делят престолы! Всеобщей войны, которой постоянно угрожает Чабела Зингарка, никому не хочется, так что вскоре быстро отыщется способ решить дело миром. Я тебя предупредила насчет Коннахара, дальнейшего – целиком на твоей совести.

– Лучше бы ты дядюшке сказала... – заныл мой бывший приятель.

Я сделала вид, будто страдаю глухотой на оба уха, и с достоинством удалилась, думая, куда бы направиться – к себе, вздремнуть, или к Его неудачливому высочеству Тараску Эльсдорфу? Дратхен наверняка помчался докладывать своему покровителю об отлично выполненном поручении. Хорошо бы знать, что из этого последует. Так, на всякий случай. Чтобы завтра имелось нечто полезное для ушей Эрхарда и прочей расфуфыренной королевской братии.

* * *

На площадке перед входом в покои Тараска стояла большая бронзовая клепсида аргосской работы в виде прыгающих над волнами дельфинов. Стрелки показывали третий послеполуночный колокол. Поздновато для визитов, однако сучавшие охранники без возражений распахнули передо мной двери.

Я побрела по высокому коридору, отделанному дубовыми панелями, прислушиваясь, не донесутся ли откуда-нибудь голоса. Ага, слышу Тараска и еще кого-то – сидят в маленькой Зеленой гостиной, прозванной так из-за пузатеньких малахитовых колонн и изумрудного цвета натянутых на стены шелковых полотнищ. Заявиться посреди разговора? Выставят. Будем предусмотрительнее, зайдем в соседнюю комнату и отодвинем якобы прикрывающую уединенную нишу бархатную штору. В нише прячутся стул и маленькое окно. Со стороны гостиной сие потайное окошко предстает как висящий на стене безобидный пейзаж с горами. Светлоголубая окраска неба над холмистой грядой с внутренней стороны прозрачна, так что расположившийся в нише созерцатель отлично видит и слышит тех, кто находится в гостиной. Дворец, пусть и выстроен лет семьдесят назад, просто нашпигован такими укромными местечками, замаскированными глазками и встроенными в стены слуховыми трубами.

У Тараска шел ночной совет. Присутствовали личности, обычно старающиеся держаться в тени и делать вид, будто далеки от политических хитросплетений, то есть оба придворных мага: аквилонец Аррас Кийяр и кофиец Ораст из Сарваша. Вдобавок (я невольно поежилась, испугавшись, что он почует мое присутствие) – месьор ксальтоун в своем мрачном пунцово-багряно-алом переливающимся великолепии и неизменной маске в виде драконьей головы. Господа волшебники выглядели крайне обеспокоенными, Тараск – уставшим и задерганным. Насчет ксальтоуна ничего сказать не могу, ибо пурпурно-атласная маска не обладала способностью выражать чувства своего носителя.

Речь держал ксальтоун, вольготно расположившийся в резном кресле. Поперек бархатных подлокотников возлежал его посох: три локтя лакированного красного дерева, завершающегося опять-таки медной драконьей мордой с темным гранатом в пасти. Внутри камня мерцали искры – или мне померещилось?

– ...Значит, стигиец Тотлант пренебрег моим настоятельным советом и отправился в путь, – глуховато доносилось из-под маски. – С ним едет... как его?

– Веллан, глава порубежной стражи Пограничья, – вполголоса добавил Аррас и, пользуясь возможностью высказать свое мнение, продолжал: – Этот тип – оборотень. Вдобавок, как мне говорили, хороший боец. Им понадобится около седмицы, чтобы добраться до Эвербаха или где там околачиваются мятежники, которые наверняка уже начали подтягиваться к назначенному месту встречи, замку Демсварт.

– Ими займутся, – устало пообещал Тараск. – Я выслал людей, которые догонят месьоров посланцев. Беда не в этой парочке, будь они хоть трижды волшебники, оборотни и мастера меча...

– Часть бед исходит от Чабелы Зингарской, – высокомерно кивнул ксальтоун. – Хотя теперь у нее прибавится собственных хлопот и она сообразит умерить свой пыл самозваной правительницы Немедии.

– Может, сообщить ей об Океанском Оке? – робко напомнил о себе Ораст, которого, как я догадывалась, вообще никто не принимал всерьез. – Мол, если хочет его вернуть...

– Чабела, мой дражайший юный друг, хоть и женщина, но отнюдь не глупа, – оборвал кофийца ксальтоун. – Упоминание о возвращении Ока Морей повлечет расспросы о том, при каких обстоятельствах его нашли. На свет неминуемо выплывет имя небезызвестного десятника Коннахара, и тогда...

– А ведь это в самом деле Конан Киммериец, – с нехорошей ухмылкой сообщил Аррас. – Почти не изменился за те пятнадцать лет, когда мы виделись в последний раз и расстались заклятыми друзьями. Его узнал не только я, но и многие другие. Тарамис, Ясмела и ее братец, не говоря уж о варварах из Пограничного королевства и заморийце. Кстати, как Ваше величество полагает с ним поступить? Казнить? Хлопот не оберешься. Отпустить? Пойдут слухи... Но серьезно проучить не помешает, ибо от месьора Аластора Кайлиени постоянно исходят неприятности. Он частенько забывает, кто истинный правитель его обожаемой Заморы.

– Либо завтра за него явятся хлопотать, либо обнаружится, что его камера давно пуста, – отмахнулся Тараск. – Если Чабела попросит отпустить этого смазливового проходимца, я, так и быть, пойду ей навстречу. Пусть пришьет его к своему подолу. Лучше поразмыслим, как нам быть с Коннахаром, Конаном или как ему угодно себя именовать.

– Я искренне надеялся, что он затеет свару, получит по туповатой голове и избавит нас от лишних хлопот, – пробурчал себе под нос Аррас. – Так нет же! Он оказался достаточно сообразителен, чтобы тихо сдать.

– Это как держать пойманного тигра за хвост, – без малейшей усмешки заметил Тараск Эльсдорф. – Каждый день, проведенный им в столице, опасен для нас. У него полно приятелей, обожающих подсматривать и подслушивать. Я не поручусь, что прямо сейчас кто-нибудь из его дружков, повизгивая от усердия, не несется к Чабеле или Эрхарду Оборотню с радостной новостью о поимке Аквилонца.

«Подслушивающий дружок», то есть я, скривилась. Вовсе я не визжала от усердия. Просто решила, что раз одна сторона позволяет себе хитрости, то и другой позволено действовать по своему усмотрению.

– Положим, у нас есть два или три дня, прежде чем Просперо, Чабела или кто-то еще начнут беспокоиться и расспрашивать, – словно обращаясь сам к себе, заговорил ксальтоун. Меня от его голоса жуть берет. Вроде человеческий, а вроде какой-то... замогильный, что ли? – Варвара нельзя оставлять в городе. Нельзя, чтобы он проболтался или узнал нечто лишнее.

– Мы также не можем заручиться его согласием молчать. В дополнение ко всем совершенным глупостям он носится с мыслью отыскать убийц семейства Эрде, – не преминул добавить Аррас и подвел итог: – Не человек, а сборище неприятностей!

Я неслышно хихикнула. Поймали медведя, теперь выкручивайтесь, как знаете, пока он вас не загрыз!

Мое веселое настроение испортил ксальтоун. Он резко перекинул посох в стоячее положение и звонко пристукнул им по мраморному полу:

– Что сделано, то сделано. Не будем отчаиваться раньше времени. Месьор Аррас, месьор Ораст, Его величество вас больше не задерживает.

По-моему, Тараск остался не слишком доволен, услышав, как ксальтоун лихо распоряжается от его имени. Однако Кофиец сдержанно кивнул, отпуская обоих придворных магов. Высоченная орясина в киноварном и малиновом снисходительно наклонила голову, прощаясь, но с места не двинулась, выжидая, пока Аррас и Ораст закроют за собой двери.

– Скоро крысы побегут с корабля, – зло бросил Тараск, когда волшебники ушли. Он выбрался из-за стола и начал бродить из угла в угол комнаты. Эту его привычку я знала: его милость отчаянно изыскивает какой-нибудь неожиданный ход. Частенько ему удается заморочить головы своим противникам, но, боюсь, однажды он перехитрит сам себя и проиграет. – Аррас уже подыскивает, кому бы продаться подороже.

Драконья голова с обшитыми золотой нитью глазницами чуть качнулась из стороны в сторону.

– Не решится. Я присмотрю за ним и за Орастом. Меня больше беспокоит пропавший Камень. Буду откровенен – если дойдет до стычки между мной и этой чокнутой девчонкой Эрде, я не ручаюсь за свою победу.

– Вот как? – Тараск остановился на полушаге и круто развернулся.

– Именно так, – голос ксальтоуна звучал сухо и, как мне показалось, вымученно-искренне. – Посему нам придется использовать против нее и так удачно избежавшего торжественного погребения в фамильной усыпальнице Эльсдорфов принца Ольтена любые доступные средства. Я полагаю, ты сделал, что мог. Преданные нам люди, затерявшиеся среди мятежников, никогда не окажутся лишними. А еще у нас есть настоящий подарок судьбы – сидящий в Башне Висельников Конан Киммериец.

Тараск откровенно фыркнул:

– Что с того? Если бы у варваров существовали девизы, этот тип выбрал бы что-то наподобие: «Пусть мир катится своим путем, а я пойду своим». Аррас прав: невозможно договориться с тем, кто желает все делать по-своему.

– Нам нет нужды договариваться с ним, – ксальтоун понизил голос, и Тараску пришлось подойти ближе. – Нам нужно его использовать. Не-ет, мы не станем запихивать его в глубочайшее из подземелий Башни и угрожать десятью страшными казнями, если он не выполнит наших условий. На следующий день после его гибели нас ждет неизбежная война с Аквилонией. Наоборот, мы отпустим его.

– Отпустим? – недоуменно переспросил Тараск.

– Конечно. Только он получит свободу не нынешним утром, а где-то через седмицу. Пусть встретит своих приятелей-мятежников возле стен Демсварта. Пусть поведаст им захватывающую сказочку о том, как его держали в пристрашном узилище злобного колдуна и как он удачно оттуда сбежал, проломив десяток голов. Никто не усомнится, ибо каждое слово короля Аквилонии будет истинной правдой.

– Гм, – сказал Тараск и беззвучно повторила я, пытаюсь сообразить, что же затевает жутковатый приятель почти состоявшегося правителя Немедии. Тараск оказался догадливее простоватой девочки из Пограничья, медленно проговорив:

– У мятежников его примут с распростертыми объятиями. Он – старый знакомый Эрде. Девчонка и Ольтен ничего не заподозрят.

– При удачном стечении обстоятельств мы получим их живыми и вместе с Камнем, – подхватил маг. – Можно даже устроить показательную казнь самозванца и его приспешницы. При неудачном – демон с ними, пусть подышают. Главное – заполучить обратно Талисман.

– Любопытно будет глянуть, как вытянутся физиономии у аквилонцев, когда они прослышат о новых похождениях своего обожаемого короля, – с расстановкой произнес Тараск. Этот его тон мне чрезвычайно не понравился. Он означал, что в скором времени кому-то придется очень и очень худо. Таких игрищ я не понимаю и не принимаю. Все имеет свои границы, в том числе политические интриги. Иначе мы станем похожи на свору бешеных собак, носящихся по городским окраинам и нападающим на все живое. – Как ты собираешься это сделать? И где? Здесь, в городе?

Маска отрицательно повернулась влево-вправо.

– Можно привлечь ненужное внимание. Мне нужно кое-что предпринять, и тогда завтра... то есть уже сегодня днем я вывезу нашу добычу из Бельверуса. Я отправлюсь в Лемату. Местечко уединенное, почти безлюдное и как раз неподалеку от Демсварта. Оттуда Конан волен бежать на все восемь сторон света.

– Рискованно, – сказал Тараск, но я поняла, что в душе он давно согласился со всеми предложениями своего жутковатого покровителя.

– Мы с самого начала знали, что придется рисковать, – бесстрастно отозвался колдун, поднимаясь с кресла. – Вряд ли нам представится второй подобный случай. Справимся – никто больше не посмеет даже заикнуться о незаконности твоего восхождения на престол. Этот вопрос станет запрещенным для любых обсуждений. И Чабела вкупе с ее сторонниками лично принесут тебе все положенные извинения...

Неразборчивое окончание разговора донеслось до меня уже из коридора. Я сидела, точно привязанная к стулу, и впервые в жизни ощущала пугающую растерянность. Я не знала, что мне делать. Нарушить мои неписанные правила жизни и вмешаться? Но ксальтоун и Тараск затевают такую игру, в которой проигравший или проболтавшийся незамедлительно отправляется на кладбище. Я не настолько дорога Тараску, чтобы его огорчила безвременная кончина девицы Дженны во цвете лет. С другой стороны, Конан Аквилонец мне никто. Я, конечно, уважаю человека, пробившегося с самых низов к королевской короне, но мое уважение совершенно не означает, что я должна мчаться спасать его шкуру. Это не мое дело! Я не желаю иметь ничего общего с замыслами Тараска!

«Чего ты хочешь, в конце концов? – раздраженно поинтересовалась я у самой себя. – Всегда оставаться в стороне? Не выйдет! Ты увязаешь все глубже и глубже. Тони или выкарабкайся, Зенобия Сольскель, только делай хоть что-нибудь!»

15 день Второй весенней луны.

Целый день во замке короны царило удивительное спокойствие и благолепие. Никаких скандалов, никаких происшествий, всеобщая любезность и торжество хороших манер. Похищенные драгоценности вернулись к владельцам: с положенными куртуазными расшаркиваниями было объявлено, что грабитель изловлен бдительной стражей Бельверусского дворца и препровожден в Башню Висельников для последующего суда и надлежащего возмездия. Замок Кайлиени отпустили по настойчивой просьбе Просперо Пуантенского и двух благородных дам – Чабелы Зингарской и офирской графини Клелии Кассианы дия Лаурин, приговорив к уплате изрядного выкупа семейству убиенного барона Лорето и намекнув, что стоит впредь вести себя потише, ежели он не желает лишиться титула протектора. Месьор Кайлиени с нарочито смиренным видом выслушал приговор и принялся собираться в дорогу, намереваясь догнать уехавших в направлении Края Соленых Озер Тотланта, Веллана и Коннахара.

Все занимались чем-то полезным. Лишь бедная Дженна маялась дурными предчувствиями и бродила по замку с таким лицом, будто страдала разлитием черной желчи. Его высокочеству Тараску я старалась на дороге не попадаться, опасаясь, что вид моей скорбной физиономии приведет к расспросам о моем душевном и телесном здравии. Я колебалась. Пару раз подходила к дверям покоев Эрхарда, намереваясь все ему рассказать, но удирала. Я даже не решилась узнать у Эртеля, говорил ли он с Чабелой. Зато выследила дворцовых магов: Ораст торчал в своих комнатах, потом уехал в город, Аррас копался в библиотеке, ксальтоуна с самого утра никто не видел.

Я начала впадать в тихое отчаяние. Придумала лихой и совершенно невыполнимый план: наведаться к Тараску, стянуть или выпросить у него разрешение на посещение Башни Висельников, съездить в главную городскую тюрьму и предупредить Конана. Толку от подобного героического поступка – совершенно никакого, зато совесть чиста.

Тихий голосок совести упрямо повторял, что я пытаюсь добиться двух противоположных вещей: не повредить Тараску и одновременно помочь его пленнику. Нужно выбрать что-

нибудь одно. Я же отлично знаю, что право Тараска Эльсдорфа на Трон Дракона – весьма и весьма призрачное. Знаю, что сам он не убивал никого из семьи покойного Немед, однако распорядился, чтобы с ними расправились и вкупе с ксальтоуном содействовал распространению недовольства королевской династией среди горожан. Знаю, что между мной и Тараском не существует никакой особой привязанности. Я – редкостное украшение, варварка при цивилизованном дворе Немедии. В конце концов, я в силах устроить свою судьбу и без Тараска Кофийца! Очень он мне сдался!

Дело решил случай. Торча на открытой галерее второго этажа, я бездумно глазела на благородное общество, прогуливающиеся по разбитому во внутреннем дворе цветнику. В дальнем конце галереи мелькнуло нечто стремительное, ярко-алое и развевающееся, что могло быть только причудливым одеянием ксальтоуна. Отлично, колдун в замке. Теперь – не останавливаться и не задумываться. Любое сомнение ведет к гибели. Пока я действую быстрее Тараска и компании, я неуловима. Будем надеяться, что пока никому не известно о вступлении в сражение за немедийскую корону нового человека – девицы Дженны из Пограничья.

Представителям Заморы и Коринфии не выделили, как аквилонцам, зингарцам или свите хауранской королевы, отдельных покоев в замке короны – они ночевали где-то в городе, то ли у близких знакомых, то ли в посольствах. Однако днем Аластор Кайлиени постоянно болтался либо поблизости от Чабелы, либо там, где проводились общие советы – в комнатах Эрхарда.

Я не ошиблась, но слегка опоздала. Несший караул стражник буркнул, что заморийский протектор недавно прошел мимо, направляясь к дворцовым конюшням. Пришлось вприпрыжку нестись по лестницам, стараясь не замечать удивленных взглядов: гости и обитатели замка короны уже привыкли, что варварке Дженне несвойственна поспешность.

Столь необходимый мне человек успел оседлать коня, миновать преграду в виде крайне бдительной охраны, проверявшей бумаги у всех, покидающих замок, и ожидал, пока ему откроют большие ворота в стене, окружавшей дворец.

– Стойте! – завопила я. Проскочила между изумленными гвардейцами, оглянувшись на мой крик, и сцапала лошадь заморийца под уздцы. – Погодите!

– А в чем дело? – сверху на меня вопросительно-иронично глянула пара черных лукавых глаз. – Госпожа Зенобия? Что-то случилось?

– Случилось, – я огляделась по сторонам, пытаясь сообразить, сколько доверенных личностей моего приятеля Тараска болтаются поблизости, и соврала: – Его величество просил тебе кое-что передать, прежде чем ты уедешь.

– Я внимательно слушаю, – Аластор соскользнул с лошадиной спины и предусмотрительно встал так, чтобы топчущиеся на месте кони отгородили нас от чрезмерно любопытных глаз и ушей.

– Коннахар попался, – быстро проговорила я. – Можешь не верить, но это так. Ксальтоун и Тараск затеяли нечто, в чем я не могу разобраться и чего опасаясь.

– Не говори больше ничего. Ты сумеешь покинуть дворец? – протектор Заморы в самом деле очень быстро соображал, что к чему. – Я подожду тебя в парке.

– Идет! – обрадовалась я.

– Передайте Его величеству мою признательность, – это прозвучало как можно громче, для тех, кто желал подслушать, о чем Дженна Сольскель болтает с заморийским гостем.

Хвала всем богам, у меня не стали требовать ни подорожной, ни разрешения наведаться в город. Фаворитка я или нет? Если фаворитка, значит, могу ездить куда хочу и когда хочу. В глубине души я понимала, что вернуться на прежнее теплое место королевской подружки мне не позволят. Да я и сама не хочу. Хватит с меня.

Огромный Олений парк тянулся почти до самых городских стен. Сегодня выдался теплый денек, приманивший желающих совершить конную прогулку, поэтому никто не обратил внимания на еще одну пару всадников, торопливо свернувшую на дорожку к парковым воротам.

Мой сумбурный рассказ о виденном и слышанном, как ни странно, уложился всего в десяток коротких фраз. Выслушав, Аластор засвистел, весьма похоже изобразив мелодию немедийского гимна.

– Хорошо задумано, – одобрил он. – Какой-нибудь из этих планов да исполнится, как бы мы не старались помешать. Что ты собираешься делать?

– Не знаю, – честно призналась я. – Могу только сказать, что соваться в Башню Висельников и пытаться вытащить заключенного – бесполезно. Последний удачный побег оттуда случился лет пятьдесят назад, и при условии, что устроители подкупили почти всех стражников. Мне известна дорога в королевскую крепость Лемату, там стоит крохотный гарнизон и больше никого. Еще я недавно заметила во дворце ксальтоуна и поэтому рискнула действовать. А как бы поступил ты?

– Смотря по обстоятельствам, – мы проехали мимо старинных арочных ворот, охраняющих вход в дворцовый парк и, не сговариваясь, повернули налево, к Башне. – Согласен, штурмовать тюрьму не имеет смысла. Зато можно попытаться разузнать, кого из узников сегодня перевезли в другое место заключения. Если среди них окажется, – замориец ехидно ухмыльнулся, – десятник Коннахар или похожий как две капли воды на него человек, мы последуем за ним и посмотрим, нельзя ли учинить по пути какое-нибудь маленькое злоумышление.

Предприимчивым и боги помогают. Только-только мы свернули к Цепному проезду и узрели вдалеке красновато-черные стены мрачной городской достопримечательности под названием «Башня Висельников», как навстречу нам по бульжникам прогрохотал крытый фургон, запряженный двумя боссонскими тяжеловозами. За фургоном следовала охрана – четверо деловито-угрюмых громил и... И мой старый знакомый, королевский маг Ораст дие Сарваш! Озабоченный, настороженно зыркающий по сторонам и старательно прикидывающийся очень грозным.

– Это они, – не спросил, подтвердил Аластор и торопливо повернул лошадь в ближайший переулок. Мы подождали, когда повозка минует нас и двинулись следом, держась на почтительном отдалении. – Четыре человека, возница и Ораст как представитель ксальтоуна. Им нужно проехать всего пару кварталов, и они укатят за ворота. Дадим покинуть город или устроим засаду?

– За городом мы можем их потерять или окажется, что им в поддержку прислали с десяток головорезов, – высказалась я. – Только... Только у нас хватит сил справиться с пятеркой мордovorотов и колдуном?

– Посмотрим, – беспечно отмахнулся замориец. – Ты знаешь город? Тогда веди!

Ораст и прочие, видно, не ожидали подобной нахальной выходки. Случилось все до чрезвычайности просто: возница старался избегать людных улиц и ехал через тихие проулки. Тут его и обогнали двое спешивших по своим делам молодых людей. Возчик сердито крикнул, чтобы мы не загораживали лошадям дорогу, получил черенком меча по затылку (от меня) и послушно рухнул вниз. Ораст выпучил глаза, собираясь заорать, но его лошадь внезапно сделала свечку и рассталась со своим седоком (по-моему, Аластор приласкал бедное животное монетой или камешком по храпу). Четверку охранников мы поделили между собой. Я никого не убила, предпочтя ограничиться нанесением ударов, надолго погружающих жертву в состояние дремоты. Хриплый вскрик с другой стороны повозки доказал, что заморийский протектор верен правилу: «Лучший свидетель – мертвый свидетель». Я успела как раз вовремя, чтобы удержать его от намерения перерезать горло Орасту.

– Не надо!

– Почему? – недоуменно поинтересовался Аластор. – Он же нас узнал! Хочешь потягаться силами с его хозяином?

– Просто не надо, – упрямо стояла я на своем. Ораст разевал и закрывал рот, словно вытасенная на берег рыба, всем видом показывая, насколько ему хочется жить и что он будет немее камня.

– Как знаешь, – замориец крутанул между пальцами длинный нож и небрежно тюкнул месьора волшебника рукояткой за ухом. Ораст сник, послушно шлепнувшись на пыльную мостовую.

Я подобрала булыжник и попыталась сбить замок с дверей повозки. Тот стойко не поддавался. Аластор отодвинул меня в сторону и завертел в замочной скважине вытасенными откуда-то странно изогнутыми проволочками, быстро добившись успеха. Замок шелкнул, двери открылись. Заглянув внутрь, мы узрели на полу нечто крупное, завернутое в толстый войлок и многократно перетянутое цепями. Сверток издавал неразборчивые, но свирепые звуки, настойчиво дрыгался и ерзал.

* * *

Настроение у «десятника Коннахара», когда мы извлекли его наружу, было скверным и кровожадным. Он желал кого-нибудь убить – просто так, чтобы придти в себя и обрести душевное равновесие. Заодно досталось и нам вкупе с отсутствующими Тотлантом и Велланом: где мы шлялись целую ночь и почему столько возились? Влетело и королеве Чабеле Зингарийке: почему не побеспокоилась и допустила такое безобразие?

Под выяснения, кто виноват и что делать, мы покидали в фургон стражников – впоремешку оглушенных и мертвых. Последним забросили Ораста, закрыли створки и снова заперли. Конан поймал одну из лошадей охранников и забрался в седло. Мы неспешно поехали дальше по притихшей улице (я не сомневалась, что из окон нас провожают десятки любопытствующих глаз), а киммериец продолжал возмущаться, пока Аластор не предложил:

– Дженна, давай скрутим этого неблагодарного варвара и запишем обратно! Мы его спасаем, а у него еще хватает совести нас упрекать!

– Потом разберетесь, – кажется, я единственная сохранила серьезность. – Фургон наверняка скоро найдут. Нам нужно выбираться из города, потому что теперь у нас в противниках не только Тараск, но и маг-ксальтоун. Предложения? Я сама могу беспрепятственно уехать из Бельверуса в любой миг дня и ночи, но вряд ли мне позволят кого-то провезти с собой.

– У меня есть разрешение на выезд, – замориец похлопал по висевшей на бедре плоской кожаной сумке. – Остается наш друг Малыш, приметный, равно ярмарочный столб.

– Малыш? – удивилась я. Конан Аквилонец превышал меня на добрую ладонь, а я – создание довольно долговязое. – Почему «Малыш»?

Киммерийца перекосило. Он украдкой показал старому приятелю кулак. Аластора это не остановило:

– В давние времена его называли еще Медвежонком и Синими Глазками, но это только между нами...

Я невольно фыркнула и покачала головой:

– Месьоры, довольно трепаться о ерунде. У нас трудности, если вы пока не заметили. Боюсь, что если мы открыто сунемся к городским воротам, нас остановят и попытаются задержать. Допустим, мы прорвемся, но за нами бросится в погоню половина дорожной стражи. Другая половина понесется в замок, оповещать Тараска и ксальтоуна.

– Тогда уезжайте. Я выберусь сам, – несколько сгоряча предложил Конан. – Назначим место встречи и съедемся туда.

– А если тебе не повезет? – Аластор озадаченно прикусил губу. – Госпожа Дженна права – нам не нужен шум.

– Вот протащить мимо караулов оборотня – раз плюнуть, – вырвалось у меня. Мужчины глянули в мою сторону с искренним недоумением, затем Аластор понимающе кивнул:

– Да, конечно. На собаку никто не обратит внимания. Только, к сожалению, никто из нас не обладает этим полезным умением – перекидываться в иное существо. Знаете что? Рискнем сунуться в торговый дом семейства Игдир, который заодно служит заморийским посольством. Там живет мой приятель, способный вывезти из города что угодно, от похищенных сокровищ короны до беглого преступника...

– Я могу, – чуть смущенно произнес киммериец. Мы с Аластором не поняли, что он имеет в виду, и королю Аквилонии пришлось нехотя пояснить: – Могу стать оборотнем.

– Да, если встанешь на четвереньки и натянешь медвежью шкуру, – отмахнулся Аластор. – Придумай что-нибудь получше!

– Я серьезно, – упрямо повторил Конан. В голове у меня что-то звякнуло, вспомнилась беспечная болтовня Эртеля и Веллана, посвященная живописным описаниям их невероятных подвигов во времена бунта Бешеного Вожака. Среди неумеренной похвальбы и героических воспоминаний, как они поодиночке одолевали по десятку бешеных оборотней зараз, мелькнула история о том, что киммерийский варвар получил возможность не то три, не то пять раз в жизни уподобиться народу Карающей Длани. Я тогда не поверила ни единому слову, но вдруг случилось чудо: оборотни не соврали и ничего не приукрасили?

– Капище Фреки, – вполголоса произнесла я. – Это правда?

– Ты откуда знаешь? – подозрительно сощурился Конан. – Эртель проболтался?

Я кивнула. Аластор настойчиво потребовал объяснений: какое такое капище, при чем тут древний зверобог Фреки и способность менять облик с человеческого на звериный?

Выслушав краткое изложение событий, происходивших в Пограничье и Бритунии лет восемь назад, замориец не слишком удивился, заявив, что всегда ожидал от Конана чего-то подобного, и спросил, много ли времени займет превращение. Выяснилось, что оно продлится с полколокола, тогда как прирожденным оборотням требуется не больше десяти-двадцати ударов сердца. Еще необходимо найти уединенное место...

Последнюю трудность мы разрешили, проникнув на задний двор брошенного дома. Замориец и я забрались на полуразвалившийся колодезный сруб – следить, не появится ли случайных прохожих, и ждать.

По моему разумению, минул гораздо больший срок, чем половина оборота клепсидры. Я начала опасаться, что кто-нибудь из запертых в брошенной повозке стражников очнулся и начал вопить, зовя на помощь. Вдруг Ораст давно выбрался на свободу и отправился доносить своему покровителю, и теперь у всех семи городских ворот нас поджидают посланные Тараском гвардейцы?

Аластора, похоже, осеняли схожие мысли. Он отвечал невпопад, ерзал на месте, украдкой быстро оглядываясь через плечо, хотя Конан взял с нас слово, что мы не будем этого делать. Мое терпение иссякало, словно вино в прохудившемся бурдюке. На дне оставались последние жалкие капли, когда из зарослей прошлогоднего жухлого бурьяна, осторожно переставляя широкие лапы и с опаской косясь по сторонам, вышла огромная псина. От неожиданности я ойкнула, а Аластор сверзился вниз.

Зверюга получилась замечательная, явная помесь волка и охотничьих собак Пограничья. В холке пес доставал мне до середины бедра, густая шерсть – смолянисто-черная с белыми подпалинами, уши торчком, вытянутый хвост мелко подрагивает.

– Кораннон, – растерянно сказала я. – Всегда представляла их именно такими.

Я думала, что замориец немедля захочет уточнить смысл непонятого слова, однако ему, похоже, были известны кое-какие легенды полуночных народов. Сказания о кораннон, псах

Дикой Охоты, безлунными ночами мчащихся по небесам и земле, частенько рассказывают в Нордхейме и в Киммерии. Я сама слышала эти страшноватые сказки от бабушки. Она была родом из клана Дайрех, так что я на четверть тоже киммерийка, хотя предпочитаю об этом не распространяться.

Черный пес сел и выжидательно уставился на нас, нетерпеливо подметая землю хвостом. Совершенно справедливо намекал, что пора действовать.

– Кхм, – я откашлялась. – Значит, вот что я придумала. Месьор Аластор выедет из Бельверуса через Королевские ворота, я и...

– И Кораннон, – с готовностью подсказал замориец. Попытался погладить зверюгу за ухом, та отодвинулась и глухо заворчала.

– Ладно, пускай Кораннон, – согласилась я. – Мы – к Полуночным, потом свернем на полдень, в обход крепостных стен. В полулиге от города, на Дороге Королей торчит большой постоянный двор, называется «Предместье». Встречаемся там. Отставшего или замешкавшегося ждем в течение колокола, потом оставляем весточку и уезжаем. Держимся проселочных дорог, направление – к Нумалии. Согласны?

Аластор прикрыл глаза, видимо, мысленно представляя окрестности немедийской столицы, и размашисто кивнул. Пес, получивший имя Кораннон, тоже кивнул. Все верно, оборотень и в зверином облике сохраняет часть человеческого разума, понимая обращенные к нему слова. Эргель и Веллан утверждали, будто в состоянии даже мысленно переговариваться друг с другом или с другими волками своей стаи, но предупреждали: самое большое искушение для племени Карающей Длани – остаться зверем навсегда. Мол, жизнь животного намного приятнее и проще, нежели человеческая.

Стража Полуночных ворот Бельверуса не обратила на девицу в мужском наряде и бежавшую рядом с ней большую черную собаку никакого внимания. Мы благополучно миновали подвратную арку барбикена следом за тяжело груженной повозкой с тисненым на пологе гербом Оружейной Гильдии, и я невольно оглянулась. Что ж, я хотела действий и приключений – я их получила. Полной мерой. Теперь бы еще сохранить голову на плечах, и все будет просто замечательно.

Крутившийся под ногами у лошади черный пес басисто гавкнул, поторапливая.

– Раскомандовался, – беззлобно огрызнулась я. Кораннон гавкнул еще раз и убежал вперед.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Записки волшебника

«Накануне перемен»

Город Даларна, Немедия.
18 день Второй весенней луны.

Маленькие немедийские городки своеобразно очаровательны. Они не обносятся крепостной стеной, находясь под защитой главенствующего на холме или скале баронского замка. Домики (не выше двух-трех этажей) чистеньки и аккуратны, обшиты белыми или коричневыми деревянными панелями, черепичные крыши, палисаднички... А знаменитый немедийский «порядок» старательно поддерживается даже во времена смуты.

Бургомистр Даларны оказался человеком изумительно предусмотрительным. Город находится между двух враждующих лагерей: на Полуночи бунтовщики, объявившие Рокод королю Тараску, на Полудне – сам Тараск вместе с конными тысячами и легионами щитников, оставшихся верными правителю. Даларна – ровнехонько посередине и пока не приняла ничью сторону. Точнее, барон Даларна, на землях которого находится город, поднял свою дружину и увел на Полночь, присоединившись к мятежу. Городской совет из осторожности доселе не принял решения, кого поддержать. Посему месьор бургомистр, балансируя на грани между двумя изменами – изменой Ольтену и изменой Тараску – принял своеобразный нейтралитет, выразившийся прежде всего в городской символике. Со всех знамен, украшавших Даларну, за одну ночь спорили золотого немедийского дракона, однако пришивать Звезду Роты-Всадника, превратившуюся в символ мятежников, не стали. Обычное черно-бело-красное знамя Немедии. И патриотично, и никому не обидно.

Однако на следующий день по нашему с Велланом прибытию в Даларну, где мы решили пару дней передохнуть от бешеной гонки по дорогам Срединной Немедии, по городу зашелестели слухи, что не такое уж крохотное войско принца Ольтена и герцогини Даны Эрде находится всего в двадцати пяти лигах пути. Господин бургомистр поднял тихую панику – граф Монброн, наведывавшийся в городскую управу сделать отметку в своей дипломатической подорожной, выданной аквилонским посланником, с хохотом рассказывал, будто канцеляристы ныне перекапывают горы пергаментных свитков и подшивок с законодательными уложениями государства, выискивая закон о Рокоде. Мол, бургомистр приказал немедленно таковой отыскать и действовать согласно древним традициям. Главное, найти в законе лазейку, которая не позволит армиям враждующих сторон разорить город.

Ближе к вечеру мы вчетвером – очаровательная баронесса Целлиг, Веллан, Маэль Монброн и я – отправились погулять. Последствия законодательных изысканий управителя Даларны присутствовали налицо: над городской управой развевалось знамя Рокода (красное квадратное полотнище и четыре языка – два белых и два черных соответственно). Сие означало, что город, управа, гильдейский совет и собрание ремесленников согласились с законностью требований принца Ольтена и присоединились к освященному традициями мятежу против власти Бельверуса. Постановление о поднятии Рокода прибито к дверям ратуши и оглашено городскими герольдами. Городское ополчение (не собиравшееся, наверное, лет двести) муштровалось на рыночной площади срочно отысканным для такого дела отставным полусотником гвардии (кстати, хромым на одну ногу). Городской страже и дознавательной управе строжайше предписано блюсти нейтралитет и подчиняться лишь законам – только чьим, непонятно.

Одно слово, провинция. Даже мятеж должен быть обставлен с соответствующей церемонностью и соблюдением старинного права.

На въездах в Даларну, кстати, установили деревянные рогатки. Раз город в Рокоде, то необходимо строжайше следить за проезжающими и не пущать подозрительных, особенно если таковые подозрительные держат сторону Тараска. Дабы не нашпионили.

Единственный присутствующий в городе настоящий шпион, сиречь граф Монброн, смеялся в голос и настоятельно предлагал всей компанией пойти что-нибудь разведать. Скажем, когда в последний раз чистились мечи у стражи, какими именно вилами вооружены ополченцы, трех или четырехзубыми, и как давно сделан самый новый из имеющихся в городе арбалетов – десять лет тому или двадцать?

– Я устала! – поморщилась Цинтия, которую мы по ее же личной просьбе называли весьма легкомысленным имечком Цици. – Месьор граф, остроумие прекрасно, но уже поздний вечер, скоро стемнеет. Маэль, будь столь любезен, проводи меня в комнаты...

– А я для такого дела не гожусь? – немедленно возмутился Веллан. Я лишь ухмыльнулся. Ехали мы уже полных четверо суток, и за минувшее время Веллан с графом Монброном наперебой куртуазничали с молодой баронессой, которая делала вид, будто сомневается, кому отдать предпочтение – прекрасно воспитанному аквилонскому графу или голубоглазому варвару из Пограничья, очаровывавшему своей непринужденностью в манерах. Меня Цици как мужчину не воспринимала, видимо, полагая, что волшебники – особый сорт людей, наподобие митрианских монахов, у которых мужское естество давно отсохло и отвалилось за ненадобностью. Посему баронесса Целлиг постоянно прибегала ко мне жаловаться на обоих героев, «не дававших ей проходу». Кажется, Цици сама к этому стремилась, напропалую раздавая авансы обоим, но, как приличная немедийская дворянка, обязана была возмущаться мужским нахальством и благородно лицемерить. Я, бедный, покорно выслушивал ее излияния, обещал серьезно поговорить с графом и сделать суровое внушение Веллану, но тем и ограничивался. Это была своего рода затянувшаяся игра.

– Не годишься, – небрежно отмахнулась Цинтия и высокомерно посмотрела на Веллана. – Твои манеры...

– Что такого стряслось с моими манерами? – неискренне удивился оборотень. – Вчера нравились, а сегодня вдруг испортились? Во, кажется, понимаю! Тебе не понравилось, что на постоялом дворе я ел рябчика руками, а не вилочкой? Так это же неудобно!

– Проводите меня, граф, – сквозь зубы процедила Цици. Монброн виновато глянул на меня, протянул даме руку и сказал:

– Баронесса ляжет спать, а я спущусь в обеденную залу. Хочу поплотнее перекусить на ночь. Тотлант, Веллан, если вы собираетесь еще погулять...

– Собираемся, – бросил оборотень. – Идите-идите. Воркуйте, голубочки.

Проводив взглядом Маэля и надутую, будто гусыня, Цици, я потянул Веллана за рукав, увлекая за собой.

– Куда пойдём? – осведомился оборотень. – Возле ратуши мы уже были, на ополченцев посмотрели. Говорят, на окраине города – то есть через две улицы – есть отличная таверна, где подают густейший черный эль. Я у нашего хозяина узнавал.

– Интересно, оборотни вообще думают о чем-нибудь, кроме выпивки, драки и баб? – походя спросил я, вздыхая.

– В том-то и дело, что люди нас серьезно не воспринимают, потому что уверены – для оборотня на первом месте в жизни стоят выпивка, драка и общение со сговорчивой девицей, – заявил Веллан, настойчиво направляя меня к тому самому кабаку, где подавался вождеденный черный эль. – Когда кого-то не принимают всерьез, у названного «кого-то» появляется множество преимуществ перед остальными. Тотлант, между прочим, ты тоже не дурак выпить. Так что не понимаю суть претензии!

Заведение именовалось в полном соответствии с содержанием – «Бездонная бочка» – и было оформлено в надлежащем стиле: длинные, почти бесконечные столы, факела в железных кольцах, бочонки у дальней стены. Чуть мрачновато, однако уютно. Вкусно пахнет копченой свиной. Посетителей не очень много, хотя, на мой взгляд, мирным обывателям надлежало забить «Бездонную бочку» до отказа, обсуждая последние события за кружечкой пива. Наверное, горожане решили отсиживаться дома в столь беспокойные времена.

Нам немедленно поднесли эль, Веллан потребовал ветчину и сыр, я попросил рыбы (старая привычка, еще со времен жития в Стигии), и мы приступили к немудреному ужину, хотя вполне могли покушать и на постоялом дворе. Веллан громогласно рассуждал о ветрености женщин, особенно благородных, я уныло жевал, обдумывая, как поступать во время скорой встречи с Даной Эрде, обладающей удивительным магическим сокровищем, не принадлежащим миру людей. Словом, обычный вечер в обычной таверне. На остальных посетителей мы не обращали внимания.

– Тотлант? – на мое плечо сзади легла чья-то рука, и я вздрогнул от неожиданности. Откуда у меня могут быть знакомые в захолустном немедийском городишке? – Хвала Иштар, мы вас нашли!

Я обернулся. Невероятно! Она-то что здесь делает?

На меня в упор смотрела дочурка главы торговой управы Пограничья Стюарта – знаменитая Зенобия Сольскель.

* * *

– Дженна? Сет Змееликий, ты уехала из Бельверуса?

– Дженна! – это уже Веллан. Узнал. – Ты садись, чего стоишь! Эля с нами хлебнешь? Густой, как мед!

– Хлебну, – легко согласилась Дженна. Потеснила Веллана на лавке, запросто взяла его кружку, отпила и вернула хозяину. – А мы приехали в город только на шестой полуденный колокол. Я уже отправила Конана и месьора Аластора разыскивать вас по постоялым дворам или хотя бы узнать, не появлялись ли вы тут. Четыре дня за вами гонимся!

– Конана? Какого Конана? Откуда Конан? – заахал я.

– У тебя очень много знакомых Конанов? – съязвила Дженна. – Того самого, единственного и неповторимого. Откуда Конан? На мой взгляд, из Киммерии. Или из Аквилонии... Хватит шутить!

– Ничего не понимаю, – нахмурил лоб Веллан. – Киммериец сбежал из Башни Висельников? Или Чабела помогла?

Чабела вполне могла помочь варвару избежать долгой отсидки и малоприятного общения с Тараском – в тот самый день, когда мы покинули столицу, я через почтовый портал отправил зингарской королеве письменное сообщение о происшествии на окраине города, когда нас остановила немедийская гвардия и нашла в мешке киммерийца сокровища, принадлежащие королям Заката. Уверен, депеша попала в руки Чабеле и она сумела вытащить Конана из неприятностей. Однако Дженна мою уверенность развеяла:

– Что вы носитесь с этой Чабелой, как дядюшки с любимой племянницей? – чуть громче и раздраженнее, чем следовало, спросила Дженна. – Я его вытащила! Я и никто более. Вкупе с Аластором. Правда...

– Что – «правда»? – немедленно насторожился я, услышав в голосе Дженны непривычные для нее растерянные интонации.

– В общем, это надо видеть, – пряча глаза, сказала дочка Стеварта. – Иначе не поверите. Давайте-ка я закушу вместе с вами, Аластор так или иначе придет сюда.

– Понял! – гоготнул Веллан. – Вы перекрасили Конану шевелюру в ярко-рыжий, выбили один глаз, а из фэйл-брекена сшили длинную юбку. И вывезли из города под видом старой асирской бабушки Зенобии! Блестяще! Я хочу это видеть!

– Увидишь, – мрачно буркнула Дженна и злобно откусила ветчины, позаимствованной, между прочим, с моей тарелки. – Впрочем, волосы у него остались черными. Тотлант, прошу тебя как старого друга, расскажи, что происходило с вами по дороге? Не упуская ни одной странной детали! Понимаешь ли, я не верю, что Тараск так просто мог выпустить и вас, и нас из своих когтей. Мы, то есть Конан, Аластор и я сама, изрядно на шумели в Бельверусе во время бегства.

– За вами даже не следили всю дорогу от Бельверуса до Даларны? – изумился я. – Ни одного нападения? Никаких отрядов гвардии или тайной службы, отосланных на поимку? Не верю!

– Правильно делаешь, что не веришь, – более спокойно ответила Зенобия, попутно разжевывая жесткое мясо. – Следить-то следили. Но не трогали. Два каких-то типа вцепились нам в хвост на следующий день после побега из столицы. Тотлант, сам знаешь, я выросла в Пограничье, а мой отец далеко не всегда был купцом. Начинал с простого охотника. И уж поверь, я умею замести следы. Мы обманывали погоню, как могли, но бесполезно! Идут за нами, словно пришитые. Держатся на расстоянии лиги, ближе не подходят. Мы с Аластором совсем было хотели взять мечи да разобраться, но, едва мы поворачиваем назад, соглядатаи удирают. Боюсь, мы привели их и сюда, в Даларну. Вот и все новости.

– А у нас вообще никаких новостей, – грустно вздохнул Веллан, будто сожалея об отсутствии приключений по дороге. – Приехали в этот провонявший пивом городишко, теперь отдыхаем. Ждем, пока подойдут мятежники или сами поедem к ним навстречу. Если очень приспишит. Ах, да! Единственная странность: нас встречали. Какой-то граф Монброн из Аквилонии и баронесса Цинтия фон Целлиг. Сказали, будто заранее знали о плане Семи королей отослать срочное посольство на Полночь, к мятежникам. Интересно, кто их осведомил? Сами не рассказывают...

– Знакомые люди, – кивнула Дженна. – Если эти двое на самом деле те, за кого себя выдают, то я знаю обоих. Малютка Цици постоянно ошивалась при дворе в свите принцессы Аманты, жены Зингена, а с Монброном я разговаривала в столице. Неужели он проявил хоть капельку ума и благополучно исчез из города до того, как за него принялась бы тайная служба Тараска? Ага, вот и Аластор!

Мы с Велланом дружно обернулись к дверям таверны. Действительно, на пороге красовался великий протектор Заморы, чем-то неуловимо похожий на Цинтию. Только Цици – рыжеватая блондинка, а у господина Кайлиени волосы черные, как смоль. Зато такое украшение лица, как нос, совершенно одинаково – не просто с благородной горбинкой, а ужасающе горбатый. Весьма характерный профиль для обитателей побережья Шема или степей Хорайи.

Веллан вдруг привстал и буквально уронил челюсть на стол. То есть раскрыл рот до ширины зевка – еще чуть пошире, и туда вполне могла бы залететь довольно упитанная ворона. Оборотень во все глаза уставился на огромного, черной масти пса, стоявшего рядом с Аластором. Здоровенный, в холке почти с теленка, зверь явно произошел от волка и горского пастушьего пса – уши острые, пасть розовая, вид чрезвычайно независимый.

– Э-э... Приветствую господина великого протектора, – я, в соответствии с правилами этикета, поднялся с лавки и изобразил куртуазный поклон.

– И вам того же, – махнул рукой Аластор, подходя и запросто присаживаясь. – Тотлант, будь проще. Я нынче не при делах. Вероятно, после громкого исчезновения из Бельверуса Тараск немедленно выпихнет меня в отставку, несмотря на мнение всех Семи королей. Ничего,

переживу. Если Ольтен вернет трон, то жезл и мантия протектора Заморы снова ко мне вернутся.

– Постой-постой, – Веллан настолько возбудился, что застучал кулаками по столу, не сводя глаз с громадного черного волчищи. – Это что? Вернее, кто?

– Это? – картинно изогнул бровь Аластор. – Моя собачка. Или Зенобии, смотря как посмотреть. Мы его кличем Коранноном. Изредка – Малышом.

Клыкастое чудовище, усевшееся рядом со столом, вывалив из пасти длинный мокрый язык, неприязненно покосилось на Аластора. Боги, да у него же васильково-синие глаза!

Я немедленно произнес заклинание Ключа – видел, что передо мной оборотень. Хотел докопаться до истинной сущности. Обычно эта магическая формула помогает мне тотчас различить очень похожих друг на друга Веллана и Эртеля, когда они находятся в зверином облике. Я и сейчас различил – человеческий облик оборотня был мне до крайности знаком, но...

– Конан? – выдавил я, падая на скамью и попутно опрокидывая безвольно повисшей рукой недопитую кружку с элем. Густая темная жидкость вылилась на штаны недовольно зашипевшей Зенобии. – Конан? Это вы его так замаскировали? Но каким образом?..

– Я напому, каким, – слабо проговорил Веллан, тяжеловесно плюхаясь рядом со мной. – Забыл Пайрогию? Бешеного Вожака? Мы же вместе были в капище Фреки! Но я не думал, что заклятие древнего зверобога подлинное! Человека нельзя превратить в настоящего оборотня, равно и наоборот! С ума сойти можно! Вот тебе и воля древних богов! Привет, Конан! И как тебе нравится в нашей шкуре?

Судя по довольному виду черного пса-волка (украшенного ярко-красным ошейником с серебряными накладками), Конан ничего не имел против пребывания в зверином виде.

– Он сам принял такое решение, – бесстрастно сказала Зенобия. – Иначе мы не смогли бы покинуть Бельверус. Конан чересчур приметен. Но теперь он не желает превращаться обратно!

– В каком смысле «не желает»? – я подался вперед, пронзенный чувством опасности, будто небольшой молнией. – Не может или не хочет?

– Не знаю, – покачал головой Аластор. – Мы с Зенобией ему говорим: «Давай, возвращай себе обличье человека, опасность, мол, миновала», а он знай машет хвостом да скалится. Так и едем: два всадника и громадная черная псина. Ошейник вот третьего дня купили, чтобы за волка не приняли.

Я ошеломленно замер. Удивлял отнюдь не факт истинности заклатья Фреки (вернее, не заклатья, но подарка, сделанного зверобогом Конану), которое должно было подействовать трижды в течение жизни киммерийца, а странность поведения самого варвара. Ему всегда нравилось быть человеком, ибо только человеческое существо (как сам Конан и утверждал) может получить от жизни все радости, так как суть существования – радость. Заклятие Ключа вдобавок показало: звериная сущность сейчас настолько преобладает над человеческим обликом варвара, что подавляет ее... Может быть, за минувшие девять лет, со времен охоты за Бешеным Вожаком, варвар уже пользовался подарочком Фреки? Подарки от богов, знаете ли, чреватые большими неприятностями...

– Веллан, – я повернулся к нашему оборотню, – можешь превратиться?

– Что, прямо сейчас? – скривился Веллан.

– Не обязательно. Попозже. Дома. В смысле, на постоялом дворе. Ты же способен в волчьем обличье общаться с другим оборотнем при помощи мысли?

– И зачем это надо? – нахмурился Веллан.

– Спросишь Конана, какого демона он валяет дурака! Или ему настолько понравилось носить облик зверя? В таком случае у нас появилась исключительно сложная проблема. Сам понимаешь, какая.

Веллан кивнул: знаю, мол. Если звериная половина одолеет человеческую, оборотень навсегда останется четвероногим, клыкастым и хвостатым. А в Аквилонии больше не будет

короля. И, что характерно, наследника, благо киммериец доселе не удосужился жениться и завести законных детей, мотивируя это одним словом: «Успеется!». Вот тогда история закатного Материка поплывет по новому руслу – смена тысячелетней династии в Немедии, киммерийская династия в Аквилонии даже не успела пустить корни... Королем по нынешнему завещанию Конана становится Просперо, который отнюдь не желает взваливать на плечи такую невероятную ответственность и сам не имеет детей... Мрачноватое будущее.

А эта черномазая тварь с редкими седыми подпалинами сидит и ухмыляется! Косточку ему, что ли, дать?

Я рассеянно взял со стола самый большой кусок ветчины и сунул его в пасть черному волку. И тут же отдернул руку, ибо Его величество изволили задеть меня по ладони клыком. Хорошо, не поранил.

Конан прожевал ветчину, чересчур громко даже для животного рыгнул, почесал задней лапой шею и улегся возле ног Аластора. Причем специально подошел к заморийскому протектору, всем видом показывая, что ему он доверяет больше всего. Почему – неясно.

Своим чутьем волшебника я ощущаю, как в душе Аластора бьется маленький золотистый факел неприсущей обычным людям Силы. Наверное, у заморийца прирожденный талант и унаследованные способности к волшебству, но Аластор никогда при мне (а знакомы-то мы всего несколько дней!) эту силу не проявлял. Может быть, он сам не осознает дарованных свыше способностей? Но уж если этот человек – один из стариннейших друзей киммерийца, то ему действительно можно доверять.

Забегая вперед, скажу: если бы я тогда знал, кем именно является Аластор, то подобные размышления никогда не посетили бы мою голову...

– Вот что, – решительно заговорила Дженна, отвлекая всю честную компанию от созерцания развалившегося на полу аквилонского короля, который вяло мел пушистым хвостом по доскам. – Нечего тут сидеть и любоваться на ихнее величество! От него только неприятности да блохи! Первое. Из города пока сниматься не будем. Я слышала, будто войско Ольтена на подходе. Второе. Селимся по отдельности. Аластор, Кораннон и я остаемся в «Бездонной бочке», а ты, Тотлант, вместе со своими приспешниками сидишь на вашем постоялом дворе.

– Да кто ты такая, чтобы здесь командовать! – возмутился Веллан. – Походила годик в подружках Эртеля и зазналась?

Дженна, не долго думая, съездила оборотню локтем пониже грудины, да так, что Веллан пискнул и согнулся едва не вчетверо.

– Иногда женщина, – процедила ретивая купеческая дочурка, даже не глядя на кашляющего оборотня, – соображает лучше и быстрее, нежели компания из троих мужиков и одного кобеля.

Она недвусмысленно кивнула в сторону лениво наблюдавшего за нами Конана. Волк зевнул и утвердил большую остроухую голову на носках начищенных до матового сияния сапог Аластора.

– Третье. Если нас с Аластором не поразила мания преследования, то соглядатаи, посаженные нам на хвост незнамо кем, рано или поздно объявятся в городке, – преспокойно вещала Зенобия, а замориец согласно кивал. – Хорошо бы нам с ними вдумчиво пообщаться.

– Каким, интересно, образом? – прохрипел Веллан, который доселе не мог отдышаться после удара острым, но сильным локотком Дженны.

– Самым незамысловатым, – усмехнулась Зенобия. – Взять за шиворот да потрясти. Компания у нас неплохая – два оборотня, волшебник, и вдобавок девица из Пограничья, умеющая развязывать чересчур туго связанные языки.

– Дженна, ты меня пугаешь, – попытался усмехнуться Веллан. – Кстати, учти: в компании еще состоит аквилонский граф, утверждающий, будто он конфиденгент Латераны, и нежнейшая немедийская баронесса, госпожа Целлиг.

– Целлиг? – вздохнул Аластор. – Милейшая дочурка Хэлкарса-Хисса? Яблочко от яблони... Зенобия, я полностью согласен с твоим планом действий. И все наши друзья тоже согласны. Давай мы тебя назначим нашим десятником.

Волк, валяющийся под столом, тихонько заскулил. С подвываниями.

– Значит, сотником, – фыркнул Аластор. – Конан тоже согласен. Эй! Еще раз укусишь – посажу на цепь! Итак, возражающие найдутся?

– Я чего, я только пошутить... – уныло ответил Веллан. – Что за жизнь! Повсюду власть захватили женщины! В Бельверусе – Чабела, у мятежников – госпожа Долиана, у нас – Дженна!

– Ты чем-то недоволен? – с ласковостью очковой кобры спросила Зенобия. – Тотлант, твое мнение?

Я подумал и изрек:

– Слушаюсь, господин сотник!

– Госпожа сотник, – хмыкнула Зенобия. – И смотрите у меня!

* * *

Конан меня изрядно озадачил. Ну, во-первых, как вульгарно, но емко выразился Веллан: «Его аквилонское величество совсем оскотинился!» и тем самым дал мне повод в очередной раз запаниковать. Во-вторых, я никак не ожидал, что Конан когда-нибудь рискнет прибегнуть к дару Фреки – варвар относился к другим расам, в том числе и оборотням, с уважением, однако полагал, что ежели тебе дана твоя собственная человеческая сущность, с ней и живи. Конечно, в Бельверусе сложилось отчаянное положение – стража, ищейки Тараска, гвардия, громкий побег! – но наверняка можно изыскать обходные пути и тайно покинуть город, не влезая в волчью шкуру, которая, как известно, прилипчива. И в-третьих: изумляет полнейшее нежелание Конана превращаться обратно. Может быть, подарок Фреки имел некий подвох? Один раз превратишься в волка, а обратно – никак? Бессмыслица! Фреки не стал бы обманывать киммерийца настолько жестоко, ибо Фреки – звериный бог, а божества животных выгодно отличаются от богов людей отсутствием тяги к мести и незамысловатой честностью. Сказано: «Три раза в жизни станешь волком, а потом обратно человеком», значит, так и произойдет.

Поздним вечером мы решили, что Аластор и Дженна останутся в комнатах таверны «Бездонная бочка», а я, Веллан и Конан (то есть, простите, не сам Конан, а его новая ипостась по имени Кораннон...) прогуляемся до нашего постоянного двора «Синяя луна», обрадуем новостями графа Монброна и малышку Цици. Заодно Веллан попытается «поговорить» с варваром на языке оборотней. Дженна заявила, что устала и хочет спать, Аластор отправился играть в кости с немедийскими стражниками, а мы втроем вернулись домой.

– С собаками нельзя! – немедля рявкнул вышибала «Синей луны», критически осмотрев здоровенное черное чудовище. – Ведите псину на задний двор! Хочешь, устраивай в конюшне, только у хозяина спроси. Где такого купили?

– В Киммерии, – фыркнул Веллан. – Особенная горская порода. Киммерийская бойцовая, на медведей ходить. Хочешь, я ему растолкую, что ты – медведь, и он на тебя пойдет?

Вышибала зло засопел, а я, пытаясь предотвратить ссору, полез в кошелек.

– Вот тебе два аурея, – я сунул монеты в руки хозяйскому помощнику, – и ты не видел никакой собаки. Понял?

Вышибала отошел, что-то насвистывая. Два золотых аурея – большие деньги.

Поднялись на второй этаж, Веллан открыл запертую дверь своим ключом, бурча под нос что-то насчет куртуазных аквилонских графов, не упускающих своего от любой юбки. Явно имел в виду Монброна и Цици. Оказался глубоко не прав: госпожа баронесса и Маэль воссе-

дали в потертых креслах большой комнаты, попивали вино, закусывая засахаренными фруктами, причем Цици жеманно хихикала, а сам граф, размахивая руками, излагал занимательную историю из своего пиратского прошлого.

– А мы коврик купили! – жизнерадостно сообщил Веллан. – Ходячий.

– Какая прелесть! – Цици немедленно сложила ладони над грудью и уставилась на Конана. – Собачка! Только какая-то она... очень крупная. Немного напоминает Бриана, волкодава герцогов Эрде. Погладить можно?

Поскольку мы не успели остановить Цинтию, баронесса выпорхнула из кресла и запустила руки в густейшую шерсть на шее «собачки». Зверюга не возражала, лишь вяло помахала хвостом.

– Тотлант, зачем он нам? – Монброн подозрительно воззрился на Конана. – Где вы его добыли?

– Стигиец тебе объяснит, – бросил Веллан, отстранил Цинтию и взял пса за ошейник. – Идем-ка со мной. Побеседуем.

Они исчезли за дверью соседней комнаты, а Веллан плотно затворил дверь. Цици и Монброн вопрошающе уставились на меня. Пришлось объясняться. Рассказывать о побеге из Бельверуса, о Зенобии, Аласторе, превращении варвара, воспользовавшегося даром Фреки... Потом меня немедленно забросали вопросами о том, кто такой Фреки и не останется ли Конан навсегда в четвероногом мохнатом облике – в этом случае Цици обещала взять собаку к себе домой и заботиться о ней.

Скрипнул тяжелый притвор из гладко обструганных сосновых досок, в проеме показался высокий темный силуэт не то собаки, не то волка. Конан прошествовал к столу, улегся на соломенную циновку и сделал вид, что засыпает. Цици немедленно побежала к Веллану за новостями и тотчас вылетела обратно с визгом:

– Чу... Чудовище!

– Это не чудовище, это Веллан, – пояснил я. Вероятно, Цици застала нашего оборотня в момент обратного превращения – в эти краткие моменты представители рода Карающей Длани выглядят, мягко говоря, жутковато. – Надо немного подождать.

– Оно!.. Оно такое! – не переставала верещать Цинтия, картинно падая в объятия графа Монброна.

– Да-да. Большое, страшное и волосатое, – на пороге возник Веллан, затягивавший тесемки на штанах. – Учтите, это моя истинная натура. В общем так, месьоры и дамы. Общаться со мной Конан не пожелал. Не хочет разговаривать, и все тут!

– То есть как? – недоуменно спросил я, раскрывая рот. – Куда же делся ваш знаменитый обмен мыслями, доступный каждому оборотню?

– Для этого надо, чтобы мысли были! – хмуро ответил Веллан. – У него же мыслей нету! Как у самого настоящего волка! Такое впечатление, что перед нами не оборотень, а просто дикий зверь, прижившийся у людей.

– Ты хочешь сказать... – у меня перехватило дыхание. – Будто звериная натура, звериный облик взяли верх над человеческим?

Граф Монброн устремил взгляд на мирно дрыхнущего волка и я прочел в его глазах легкий ужас. Правильно, перед Маэлем сейчас не просто угольное мохнатое создание с клыками и когтями, а король Аквилонии. Отлично понимаю графа.

– Да ничего я не хочу сказать! – отмахнулся Веллан, устраиваясь на табурете возле стола. – Никогда ничего подобного не встречал. Бесспорно, он думает, понимает, но его душа для меня полностью закрыта. Будто стенку построили. Я не в силах пробиться в его мысли, а на мои он отвечать не желает. Я ему толкую: «Превращайся обратно!», а он... Это не мысль, это ощущение, но ощущение можно разгадать так: «Не хочу». Тотлант, сделай что-нибудь!

– Какой ужас... – пискнула Цинтия, закатывая глаза. – Бедный король!

– Чудовищно! – схватился за голову Монброн. – Тотлант, ты же волшебник! Помоги ему!

– И как, вы думаете, я ему помогу?

– Поколдуй! Заклинание прочитай!

– Вам легко говорить «поколдуй!», – искренне возмутился я. – Я учился человеческой магии, а не звериной! Я вам не какой-нибудь пиктский друид и не лесной знахарь! Магия Карающей Длани отличается от людской настолько же, насколько волшебство Равновесия от темного колдовства!

– Прошу слова! – поднял руку Веллан. – Может быть, один мой знакомый стигиец помнит, кто именно целых девять лет таскает под полой Книгу Бытия, которую он как бы временно позаимствовал почитать у короля Эрхарда? Кто нам каждый раз взалхлеб твердит, будто в Книге Бытия расписываются любые особенности звериной магии? Да я за девять лет любую книжку наизусть бы выучил!

– Ты в книжках только картинки рассматриваешь, и то ищешь неприличные, – огрызнулся я, барабаня пальцами по подлокотникам. Теоретически Веллан прав – Книга Бытия, окажись таковая у меня под рукой, позволила бы вернуть Конану человеческий облик за несколько мгновений. Но беда в том, что Книга осталась в Бельверусе, в обозе короля Эрхарда. На память я подобные заклинания воспроизводить не рискну, ибо никогда их не заучивал. Зачем? Все мои знакомые оборотни отлично превращаются из зверя в человека и обратно самостоятельно, без помощи магии. – Нету у меня Книги Бытия с собой! Стигийским языком вам говорю – ик ней гибба мис боока!

– Чего? – вытаращился Монброн. – Здорово... А я по-стигийски знаю только «Сет таки юте ралл», сиречь «Да будешь ты добычей Сета...»

– Умники, – вздохнул я, не сводя глаз с Кораннона-Конана. – Конечно, я могу попробовать вернуть его обратно заклинанием Истины, но оно предназначено только для человеческих существ. Я могу повредить Конану, а если превращение пойдет неправильно, он навсегда застрянет в форме какого-нибудь чудовища, рядом с которым ты, Веллан, будешь казаться белокрылым голубем.

– Тогда лучше не надо, – серьезно изрек оборотень. – Дождемся Эрхарда. Старик обязательно поедет на назначенную встречу между Ольтенем и Тараском и привезет Книгу.

– А как же король? – подался вперед Монброн. – Ему так и бегать на четвереньках?

– Не на четвереньках, на четырех лапах, – наставительно поправил аквилонца Веллан. – Судя по всему, Конана это ничуть не тяготит. Тьфу, не жизнь, а расстройство одно! Хоть бы кто-нибудь меня пожалел! Цинтия, пожалеешь бедного Веллана?

– Потом как-нибудь, – прохладно ответила молодая баронесса. – Слышите, на ратуше бьют полночь? Я отправляюсь спать. И прошу ночью в мою комнату не ломиться! Веллан, ты меня расслышал?

– Расслышал, – грустно вздохнул оборотень. – Тотлант, пошли по бабам, а? Надеюсь, в этом пропащем городишке отыщется хоть одна заслуживающая моего внимания куртизанка?

– Иди-иди, – закивал Монброн. – Потом поделишься впечатлениями. Надеюсь, Конана с собой брать не будете?

– Не будем, – согласился я, поднимаясь. Сон не шел и поэтому я предпочел бы спуститься в залу для гостей, заказать приличного вина и как следует поразмыслить над всем происходящим. А Веллан пусть топает куда угодно и ищет приключений на свою тощую задницу!

* * *

Так вот, о судьбах мира... В любом случае эти пресловутые «судьбы» меньше всего зависят от действий отдельных людей, будь они хоть какими диктаторами, тиранами и колдунами. Наш мир существует долгие тысячелетия, случались и великие катастрофы, и времена, ныне именуемые «всеобщим благоденствием», человек рождался, вырослел и умирал, а история шла по дорожке, изначально проторенной Создателем или Создателями. Пройдет еще полгода, год, заинтересованные стороны благополучно разберутся в причинах и следствиях свалившейся на Немедию напасти, кто-то станет королем, кому-то отрубят голову, кто-то женится, кто-то вернется домой, благополучно доживать свои дни (надеюсь, последняя участь выпадет именно мне). Люди побушуют, помашут мечами, затем успокоятся и станут жить дальше в ожидании нового чудесного развлечения наподобие Зеленого Огня, большой войны или долгого спора о престолонаследии. Судьбы мира интересуют меня только, когда течение истории оказывает влияние на меня самого или моих ближайших друзей. Я никогда не понимал, к примеру, известного колдуна Тот-Амона, с которым был знаком еще в юности. Тот-Амон, наверное, сумасшедший. Скажите, какому нормальному человеку, а тем более уважающему себя магу, взбредет в голову совать свой длинный нос в любое мало-мальски значимое событие в политике и магии Материка, когда главная задача волшебника – самосовершенствование и помощь человечеству в устройении наилучшего уклада жизни?

Вот я – тридцать два года, из них двадцать я жил и учился в Стигии, еще двенадцать провел в Пограничье, сделал (признаюсь честно!) недурную для волшебника карьеру: все-таки быть придворным магом при захудалом, но настоящем короле гораздо лучше, чем до старости таскаться в подмастерьях у более известного мага. Никого не трогаю, охочусь за древними трактатами, осваиваю новые области магии, помогаю, чем могу, Эрхарду. Наконец, я наверняка единственный волшебник, у которого есть настоящие друзья, а не ученики, слуги или прихлебатели. Не жизнь, а сказка, клянусь хвостом Сета! Правда, сказка какая-то унылая...

Почему унылая? Да потому, что я чувствую, что начинаю покрываться плесенью. Спокойная, уравновешенная жизнь – это прекрасно, но я давно забыл, как радоваться чему-то новому. Новым знаниям, новым приключениям. Конечно, скажете вы, а это тебе, Тотлант, не приключение? Загадочный Алый Камень, созданный незнамо когда и незнамо кем, великая авантюра с немедийским тронном... Да, в конец концов, еще и Конана надо как-то спасать! Чего ж ты дурью маешься и страдаешь от тоски?

О-о-о! Побывали бы вы хоть раз в шкуре настоящего мага, терзающегося неумной тягой к познанию окружающего мира! Думаете, я не хочу узнать тайну Алого Сияния? Хотеть-то хочу, но здраво оцениваю свои силы. Вокруг этого разнесчастливого рубина суетится огромное количество претендентов на владение, и среди них не только обычные люди – возьмем хотя бы ксальтоуна. Если я прикоснусь к Камню хоть одним пальцем, ксальтоун меня попросту растопчет. Найдет и сердце вырвет голыми руками! Маги такого высокого посвящения не могут быть для меня противниками, ибо котенок не в состоянии сражаться со львом. Котенок – это я. А вокруг бродит целая стая рыкающих львов.

Уверен, руку даю на отсечение: рано или поздно Красным Камнем заинтересуются такие хищники, как Тот-Амон, Пелиас, Озимандия, или печально известная Лоухи, Ведьма Туманов из Похьелы, претендующая на главенствующую роль в гиперборейском Круге Белой Руки. Хорошо, что Тсота-Ланти недавно отдал Нергалу душу, а то Маг Алой Цитадели не упустил бы случая вмешаться. Да мало ли в мире волшебников, стократно превосходящих меня силой и умениями? Здесь я упомянул только знаменитостей, обитающих по нашу сторону Кезанкийского хребта и в Стигии, и то не всех. А вспомним, что волшебство процветает в Туране, и за Вилайетом, и в Кхитае... Магики не так много, но они представляют в нашем мире весьма ощутимую силу. И что же, мне бороться против всех? Нет уж! Пусть Камнем владеет барышня Эрде, пока его не отнимут более сильные и более зубастые. Или пока молодая герцогиня сама не перегрызет горло претендующим на ее сокровище магам. А я постою в сторонке.

Обидно, конечно. Какой волшебник не хочет заполучить в свою сокровищницу столь могучий артефакт! Мне неважно, как он действует. Заполучу – разберусь. Только вот беда: у меня нет сокровищницы и за красивые глаза Алый Камень мне никто не отдаст...

Ф-фу! Нет, нельзя так напиваться! Особенно в одиночестве. После второго кувшина шемской «Золотой лозы» я немедленно начинаю жалеть самого себя и уныло философствовать. Веллан, как и обещал, отправился провести единственный на всю Даларну бордель, а я сижу за столом, чертя пальцем на винных лужицах нордхеймские руны и магические символы вперемешку с непристойными картинками. Дошел уже до того, что заставляю эти рисунки двигаться и уныло пялюсь на них. Над столом висит темно-фиолетовое облачко, периодически превращающееся в различных туманных зверюшек самого непотребного вида.

Маг в тоске – жуткое зрелище. Хорошо, хозяин и двое вышибал, бодрствующих посреди ночи, относятся ко мне со сдержанным спокойствием. На их лицах же ясно читается: «Шли бы спать, господин хороший». Правда, тот вышибала, что поменьше ростом, наблюдает за моим произвольными фокусами с интересом ребенка – наверное, никогда не видел настоящего волшебника.

– Хозяин! – неблагозвучно воззвал я. – Еще кувшинчик «Лозы»! И... ик!.. апельсины есть?

– Апельсины ему посреди ночи подавай, – проворчал владелец постоялого двора, протививший кружки за стойкой. – Проснись, любезный! Весна на дворе, а мы на Полуночи Немедии! Какие апельсины? Хочешь свежих фруктов, так поезжай в Зингару. И вообще, убрал бы ты свое непотребство.

Хозяин указал взглядом на фиолетовый туман над моей головой, сейчас принявший форму какого-то невообразимого пучеглазого монстра, потрошащего другого монстра, столь же пучеглазого и противного.

– Изволь, – пьяно кивнул я, щелкнул пальцами. Монстр, которого терзали, приобрел явные черты сходства с хозяином. – Г-где мои апельсины и вино?

– Ларс, принеси ему, – поморщился владелец «Синей луны» и кивнул вышибале. – Пусть подавится.

– Б-благодарю, – я потянулся к возникшему на столе кувшину и плеснул себе в кубок. Пролил, конечно. Вместо апельсинов принесли моченых яблок в сиропе. Гадость, конечно, но надо себя заставить. Еще надо сделать хозяину что-нибудь хорошее. Спяну меня всегда тянет на добродейство. Давайте причинять добро людям!

Я мысленно составил заклинание, материализовал замысел и толстяк хозяин, выругавшись, шарахнулся в сторону. Над стойкой возникла настоящая синяя луна, точь-в-точь по названию таверны. Небольшой шарик размером с дыньку и рисунком, копирующим облик луны – той, которая на небе. Шарик неторопливо вращался, светился ярким сине-голубым огнем и плевался беззвучными искорками.

– Красиво, – оценил вышибала Ларс, созерцая мое произведение. – Вместо вывески приспособим, пускай горит. И фонаря над входом больше не надо вешать.

– Эх, магии, – вздохнул хозяин. – Несчастные вы люди. Впрочем, благодарствую. Долго оно гореть будет?

Я отмерил срок заклинания и проворчал:

– Триста дней. Считай, почти год.

– Хорошо хоть не триста лет... Ларс, смотри, кто-то пришел! И кого носит по кабакам среди ночи? Да еще во время Рокода?

Точно, сквозь винный туман я различил, как открылась дверь наружу, пахнуло прохладным весенним воздухом и через порог перешагнул совершенно незнакомый человек в простой дорожной одежде. Меч на боку. Наверняка либо гонец, проезжающий через город и забежавший на постоялый двор пропустить стаканчик, либо праздный местный житель, ищущий

отдохновения от ревнивой супруги или шумного выводка детишек. Единственно, обитатели Даларны, люди в основном мирные, не таскают с собой клинки.

Человек преспокойно обогнул столы, подошел к стойке и наклонился к хозяину, попутно бросая ему монету – судя по блеску, золотую.

– Любезный, не скажешь, не у тебя ли остановился путешественник, обычно именуемый себя Тотлантом из Стигии? Среднего роста, смуглый, голова бритая. Носит черный балахон с золотой вышивкой.

Я наострил уши. Какое до боли знакомое описание! По-моему, смуглого бритого и одетое в черное с золотом человека я знаю. Кажется, это я. Правильно, меня еще Тотлантом зовут. И я даже родился в Стигии. Если быть точным, в Луксуре.

– Тебе нужна вон та пьяная развалина, – не раздумывая, ответил владелец «Синей луны». – Только умоляю, не пой его больше. Месьору Тотланту на сегодняшнюю ночь вина хватит.

– Мне кружку пива, – коротко распорядился незнакомец и уверенным шагом направился к моему столу. Встал прямо передо мной, внимательно осмотрел и уселся напротив.

– Ч-чем могу служить? – осведомился я. Человек был абсолютно непримечателен. Высокий, лет под сорок, начинающие седеть усы, выдубленная ветрами кожа на лице. – Заклинания простые и сложные, поиск утерянных драгоценностей, приворот, отворот, истребление монстров?.. В твоей фамильной гробнице поселился вурдалак? Двадцать аквилонских кесариев, половину авансом. За уничтожение вампиров беру дороже. Только я слегка... ик!.. не в форме.

– Приказано передать, – человек полез за пазуху и бросил передо мной на стол (прямо в лужу вина) запечатанный пакет. – Я должен дожидаться ответа. Читай прямо сейчас.

– Сет-Змеенг! – простонал я, выживая пакет из шемского вина. Благодаря этому же вину у меня не возникло и тени подозрений – почему вдруг кто-то посылает мне письмо, направляет гонца, способного отыскать старину Тотланта в захолустнейшем немедийском городишке и отчего послание столь срочно, что гонец является по мою душу после третьего полуночного колокола?

– До утра не подождет? – уныло спросил я, с отвращением глядя на подмокший пергаментный конверт.

– Нет, – отрубил усатый и погрузился в созерцание живых картинок над моей головой, попутно прикладываясь к доставленному Ларсом пиву. Сделал вид, будто его здесь вообще нету.

Придется свершать подвиг и читать. Только сначала... Боги, опять забыл! Забыл самое полезное заклинание для обитателя Пограничья, которое может прояснять пьяную голову. Как же оно начиналось? Ага, вспомнил! Десять слов, два пасса правой рукой. Ох, а я так хорошо напился...

Протрезвел я ровно наполовину. Для того, чтобы прочитать письмо, вполне хватит. Для того, чтобы написать ответ – сомневаюсь.

Отряхнув пакет от винных капель, слегка смазавших надпись под красной печатью... Так, печать! Странно знакомое изображение. Драконья морда, повернутая ко мне, рисунок окружен повторяющейся стигийской буквой «м», перемеженной (о боги, снова! Это становится навязчивым!) малюсенькими восьмиконечными звездочками. Надпись же такова: *«Тотланту Луксурскому от Менхотена, сына Птеоса»*.

Скользнув взглядом по знакомым символам стигийского алфавита, я почему-то не придал им никакого значения, сорвал печать, развернул пергамент и с туповатым видом приступил:

«Возлюбленный сын мой! Было бы нелепо и далее продолжать глупую игру, делая вид, будто мы друг друга не узнаем. Тогда, в библиотеке замка короны Бельверуса, я не нашел в себе

сил признаться, что я – это я, а ты, вероятно, был чересчур озабочен своими собственными делами.

Итак, Менхотеп, сын Птеоса из Луксура, твой родной отец, с которым ты расстался более двадцати лет назад, некогда являвшийся магом Стихий Пустыни, и есть тот самый ксальтоун, которого твои друзья наверняка именуют «жутким колдуном» и «великой тайной короля Тараска».

Надеюсь, теперь я перестал быть для тебя тайной. Да, я достиг высшего посвящения и имею право именоваться ксальтоуном – магом, обладающим верховенствующей силой. Именно поэтому я покинул родину, ибо для Черного Круга настоящий ксальтоун – как бельмо на глазу. Даже Тот-Амон, наш старший знакомец, не удостоился этого звания. Читай книги, сын мой, и овладеешь...

Нет нужды расписывать здесь историю последних двух десятилетий моего существования, благо она будет тебе мало интересна. Важно лишь то, что в некий, не столь отдаленный момент времени мои извиленные пути пересеклись с ровной и ясной дорогой известного тебе Тараска Эльсдорфа, ныне претендующего на корону Немедии. У меня имелись знания и величайший титул ксальтоуна, у Тараска – стремление к величию и вещь, с которой он не мог совладать. Мы заключили союз. Могу тебя утешить – временный союз. У меня хватило влияния, чтобы запретить Тараску идти к трону через чужие жизни, но кое-кем так или иначе пришлось пожертвовать. Меня можно осуждать. Однако нельзя не принимать в расчет.

Не стану объяснять сути и подоплеку последних событий. Ты всегда был умным мальчиком и наверняка сам все понял. Перейдем к обоюдно волнующему нас делу.

Я и только я владею тайной Каримэнона – Алого Камня древности, вышедшего из рук божества, именуемого в наши времена Ротой-Всадником. Я не утверждаю, что могу распоряжаться заключенной в Каримэноне Силой с совершенством его истинного хозяина, но, как известно, Рота покинул наш мир восемьдесят столетий назад и впредь не вернется. Я не раскрою тебе в этом письме (которое могут перехватить недруги, пускай это почти невозможно) всех секретов Каримэнона, ибо надеюсь на скорейшую встречу и твое понимание.

Предложения таковы.

Первое. Либо ты вообще не вмешиваешься в мои дела, оставляешь даже мечты о владении Камнем – а я уверен, что в тебе, как во всяком человеке, несущем в себе дар волшебства, такие мечты лелеются! – и уезжаешь в столь любезное твоему сердцу Пограничье, зная, что в Немедии у тебя остается не только отец, но и верный друг, способный дать совет или оказать помощь в тяжелые дни.

Второе. Я остаюсь владельцем Каримэнона вплоть до моей смерти, затем же Камень по праву наследования переходит к тебе. Ты остаешься единственным владельцем одной из величайших драгоценностей нашего мира и мира волшебства. Мне жаль, что молодая герцогиня Эрде сотоварищи похитила у меня эту вещь, предназначенную отнюдь не к разрушению, но к созиданию, а если быть более точным, к сохранению Великого Равновесия меж Черным и Белым. Попав в неразумные людские руки, Каримэнон способен причинить великие бедствия, по сравнению с которыми самые невероятные катастрофы прошлого покажутся лишь невинным дождем. Если ты попытаешься убедить госпожу Долиану Эрде вернуть Камень мне – точнее, нам – я не только сохраню ей жизнь, но даже постараюсь способствовать восхождению на Трон Дракона принца Ольтена. Я уже упоминал, что Тараск – лишь временный союзник. Делай выводы.

И третье. Возможность, на которую я не рассчитываю, но которая не исключается. Ты, Тотлант, сын Менхотепа, сам вступаешь в борьбу за Каримэнон. В таком случае мы начинаем открытое сражение, где победитель получает все.

Думай, сын мой. Ответ, изустный или письменный, передай через человека, принесшего тебе данное послание. В любом случае, мы все, каждая заинтересованная сторона, встре-

тимся в двадцать пятый день Второй весенней луны у замка Демсварт, дабы раз и навсегда решить судьбу Каримэнона.

*Менхотеп, сын Птеоса из Луксура, милостью богов – ксальтоун.
15 день Второй Весенней луны 1294 года по счету Аквилонии и Заката».*

– Отец? – прошептал я, когда чтение письма было закончено. Теперь картина выложенной алым мозаики начинает вырисовываться куда отчетливей. Отец всегда грешил излишним честолюбием, я это отлично помню. Но как он сумел получить Высшее Посвящение? Давным-давно мой батюшка Менхотеп входил в Черный Круг, а теперь неожиданно сменил Тьму на Равновесие. Решил возвыситься над остальными, ибо многими учеными мужами предполагается, будто Алое стоит выше Белого и Черного? С ума сойти! Ксальтоун – мой родитель! Как же мы были правы тогда, в Бельверусе, когда Конан предположил, что таинственный маг в алом одеянии и драконьей маске может быть отцом Тотланта!

В этот самый миг плотный тяжелый пергамент распался в прах прямо у меня в руке. Новый знак – письмо содержало частицу самого ксальтоуна, Менхотеп узнал, что депеша попала в руки именно того, кому предназначалась и прочтена. Теперь ксальтоун ее уничтожил, не оставив следов и доказательств.

– Ответ будет? – бесстрастно спросил гонец. – Кстати, на словах приказано передать, что я пользуюсь доверием... Вот подтверждение. Сказано, будто ты все поймешь.

Человек в дорожной одежде протянул мне раскрытую ладонь с перстнем – серебряное кольцо и печатка в виде Звезды Роты. Как только металл коснулся моих пальцев, из перстня, содержащего в себе заклинание, в мою голову передался образ гонца. Да, действительно, Менхотеп ему доверяет. Этот человек верно служит моему отцу.

– Я подумаю, – что еще прикажете сказать? Кстати, чтение депеши меня напрочь протрезвило. Не каждый день получаешь столь любопытные послания, да еще не от друзей и знакомых, а от человека, произведшего тебя на свет. – Так ему и передай. Я буду думать и не поеду в Пограничье.

– Твои слова, Тотлант... – кивнул гонец и сразу же встал. – Хозяин будет оповещен немедленно.

– Эй! – крикнул я вдогонку. – Запомни – я буду думать! Пока никаких решений!

– Запомнил, – бросил он уже от двери. – У меня очень хорошая память.

Я кликнул хозяина «Синей луны», у которого явно слипались глаза, он с тяжелейшим вздохом поставил на стол новый кувшинчик «Золотого», плюнул и ушел спать. Остались только скачущие вышибалы-охранники.

– И что теперь делать? – громкогласо воззвал я к небу, которое здесь замещалось бревенчатым потолком. – Как прикажете поступать, после эдаких-то новостей?

– Давайте в кости сыграем, господин хороший, – усмехнулся Ларс, подсаживаясь ко мне. – Ночь – время спокойствия. Забудь тяготы, их днем хватает. Ставлю серебряный талер на кон!

Той ночью я бездумно проиграл четырнадцать ауреев и семь талеров. А к утру принял решение.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ – I «Сонм искушений»

Даларна, Немедия.

Утро 19 дня Второй весенней луны.

Маэль, граф Монброн.

Со времен ранней молодости Маэль просыпался очень тяжело. И в эпоху юношеского жития в фамильном замке Монбронов, и в захватывающие дни приключений на Полуденном Побережье, да и позже, в Латеране, он предпочитал ложиться спать на рассвете, а подниматься (если позволяют обстоятельства) не ранее полудня. Из-за этой досадной, но в общем-то обычной для многих людей привычки, молодой граф не раз попадал впросак – все давно проснулись, бегают, суетятся, а Маэль – извольте взглянуть! – дрыхнет без задних ног. На «Вестреле» и «Крылатом змее» лет восемь-девять назад Монброна поднимали самым простым способом: полное кожаное ведро забортной воды выливалось на голову месьору второму помощнику капитана под отчаянные вопли «Тонем!» и «Пожар!». Маэль зевал, с трудом продирали глаза, осоловело оглядывал злых шутников, снова зевал, но все-таки пробуждался. Пиратская жизнь требует от корсара Его величества короля Зингары действия, действия и еще раз действия. Посему за все годы морских путешествий Монброн ни разу как следует не выспался.

В Латеране стало проще. Во-первых, еще не настали те блаженные времена, когда основная работа конфидента тайной службы будет заключаться в разборе бесчисленных пергаментов и трудах более умственных, нежели связанных с путешествиями и приключениями. Кинжал, маска, черный плащ, стилет в сапоге, на небе полная луна, в отдалении раздастся зловеющий вой волков, переписка туранского визиря и кофийского герцога выкрадена, под утро (после бегства от погони) можно вернуться в свое тайное пристанище, завалиться спать, а следующим вечером, ближе к закату, оседлать горячего коня и на галопе уйти в сторону ближайшей границы...

Чрезвычайно романтическое представление, не имеющее почти ничего общего с действительностью.

Даже теперь, когда граф Монброн выполнял личное поручение Его величества короля Аквилонии, когда загадка громоздилась на загадку и тайна прорастала из тайны, когда соседнее великое королевство стремительно погружалось в омут хаоса и безвластия, Маэль не изменил своим привычкам.

– Проснись, граф! Тебя ждут великие дела!

– Бу-бу-бу... – очень недовольно донеслось из-под шерстяного пледа. – Веллан, отцепись! Не видишь, я занят! Я сплю!

– Скоро полдень будут звонить, – сообщил оборотень и потыкал шерстяной сверток, возлежавший на широкой лавке, ножнами от меча. – Мы с Тотлантом заказали обед.

– Я потом покушаю... – невнятно прогудел Монброн. Надо же, его не соблазнило даже магическое слово «обед». – Ты иди, иди... Короля накормите!

– Твой король, – хохотнул Веллан, – уже задрал курицу на дворе. Вся пасть в крови и в перьях. Озверел! Кстати, Зенобия с Аластором пришли. Вот они о Конане и позаботятся. Как знаешь, дрыхни. Я пошел.

Хлопнула дверь. Маэль перевернулся на другой бок и через несколько мгновений вновь оказался на зыбкой грани снов и яви, когда человека уже начинают посещать видения. Из сероватого тумана выплыл силуэт большого черного зверя, не то собаки, не то волка, но чудовище отчего-то носило на голове золотой венец о пяти зубьях и могло разговаривать по-человечески...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.